
А. А. Григорьев

О комедиях Островского и их значении в литературе и на сцене

Вступление

Тому назад каких-нибудь десять с небольшим лет наша критика¹ в каком-то упоении возглашала на каждом шагу: «Шекспир, Гете, Пушкин» — «Гомер, Шекспир, Пушкин, Лермонтов» — «Гомер, Шекспир, Пушкин, Лермонтов, Гоголь» — «Шекспир, Байрон, Лермонтов, Гоголь, — г. Д. или г. N.» и т. д. Возводить в мировые гении сегодня — и завтра присоединять к числу таковых еще нового, часто жертвуя прежними, не стоило ей большого труда. Замечательно, что, создавая гениев за гениями, она все чаще стала забывать имя Пушкина, — и когда кругозор поистине многотрудного Гоголя расширился, помимо желания и ведома господ, державших в руках своих кормило критики, — она, сперва сквозь зубы, а потом и во всеуслышание, начала подготавливать его развенчание, относясь с ирониею к задачам, которые полагал себе поэт в лирических местах своих «Мертвых душ» и заботы о выполнении которых он так искренно, прямо и ясно высказал в предисловии ко второму изданию первой части своей поэмы, — мало того, критика не устыдилась объявить, что г-ну Д. или г-ну N. суждено играть в литературе нашей роль, может быть, выше роли Гоголя, и т. п. Любопытное и странное явление — тем более любопытное и странное, что оно повторяется не раз в истории нашей критики. Зрелые произведения Пушкина не нравились самым жарким поклонникам его прежних, сравнительно легких, произведений — «Борис Годунов» не соответствовал тому идеалу исторической драмы, который составила себе критика телеграфская, «Анджело» казался критике телескопской написанным тяжелыми виршами, — и критика восклицала: «Теперь мы не узнаём Пушкина: он умер или, может быть, обмер на время!» — Наконец, самые посмертные его произведения встречены были с какою-то непростительною холодностью, и новые кумирчики, наделанные критикою, стали заслонять от глаз молодежи его лаврами увенчанный лик. Та же история повторилась и с Гоголем, как только взгляд его на жизнь вообще, и на нашу русскую жизнь в особенности, возвысился на такую степень, на которую не могла взойти с ним критика. Что касается до Лермонтова, то сей последний слишком мало жил и обозначился для того, чтобы перерастить своих поклонников, — но так как и в нем, по весьма глубокому и вероподобному предположению Гоголя, готовился великий живописец русского быта, то есть художник, творящий из начал коренных русских, то нет сомнения, что критика, усмотревши его отклонение от пути, ею заранее предначертанного, — развенчала бы его и загородила кумирчиками гг. Т., Н. и т. п., начавши, разумеется, предварительно, постепенно и незаметно, с присоединения

¹ Мы разумеем здесь критику «Телеграфа», «Библиотеки для чтения», «Отечественных» записок», «Современника», «Пантеона» — сходную более или менее в основных положениях (примеч. Григорьева).

их имен к его имени. Что это было бы так — дело ясное и несомненное для всякого, кто лет двадцать, пятнадцать или даже десять следил за похождениями нашей журналистики.

Смелость критики в увенчании и развенчании литературных деятелей, дойдя, наконец, до нелепости, должна была замениться другою крайностью. Разочарование перешло в известного рода осторожность, не в ту, впрочем, которая не доскажет иногда слова, боясь погрешить перед общим смыслом, — но в ту, которая, из страха впасть в смешное, готова скорее отрицать, чем полагать что-либо, скорее унижать, чем возвышать — в осторожность нравственной дряхлости, на все смотрящей с улыбкою недоверия, в осторожность, которая *«не верит только потому, что верила некогда всему»*. В таком состоянии одряхления находится в наше время критика, которая некогда так смело разрывала всякие связи с историческим преданием, которой нипочем было *рассудить*, что Карамзин (Карамзин — имевший общее образование, Карамзин — сын своей эпохи по преимуществу, Карамзин — историк государства Российского!) был *значительно ниже своей задачи*, — и так же нипочем было провозгласить печальную песнь вроде «Бедных людей» и анатомический препарат вроде «Двойника» — гениальными произведениями!

Обжегшись на молоке, станешь дуть и на воду — и, становясь на место одряхлевшей критики, мы можем понять, что ей теперь, с своими идейками и с своими кумирчиками, мудрено признать что-нибудь новое, живое в литературе, — что она, некогда столь расточительно раздававшая патенты на гениальность, засмеет теперь первая всякого, кто первый назовет и действительно гениальное гениальным — потом, когда десятки, сотни тысяч людей, одним словом — масса покажет свое трепетное и живое сочувствие к новому, начнет делать некоторые уступки, потому что противу рожна нельзя прати, сначала сквозь зубы, потом все громче и громче, — наблюдая приличную постепенность. А именно: 1) *В одном № журнала*: мы, дескать, сами готовы признать за г. NN. то-то и то... Но... 2) *Через два-три номера*: хотя и видим мы такие-то недостатки в новом произведении г. N., — но ему неоспоримо принадлежит первенство в современной нашей литературе: это первенство признаем мы и признавали, конечно, но... 3) *В следующем №*: мы всегда признавали N. (уже просто имя, а не г. N) за талант первостепенный, за один из таких талантов, которые начинают собою новую эпоху в литературе, и т. д. — Как только добралась критика, с приличною постепенностью, до наречия *всегда*, — она выбралась на ровную дорогу и пошла смело говорить то, над чем за два, за три года смеялась. Чему посмеешься, тому и поработаешь. Все это понятно в одряхлевшей критике, но было бы не только непонятно, но фальшиво со стороны людей свежих и смотрящих на вещи без разочарования, приобретенного излишними предварительными очарованиями. стыдно тому, кто, чувствуя сердцем и понимая исторически известную правду, побоится сказать ее потому только, что она некоторым покажется смешна и неприлична, — стыдно и тому, кто, высказавши правду, хотя бы даже и не вовремя и не вполне — намеком только, — отступится от нее, заслышавши смех за собою, — стыдно потому, что в первом нет вовсе веры в правду, а во втором слишком мало веры в нее и слишком много самолюбия. Правда возьмет свое — она хоть и глаза колет, да зато одна остается, когда все минется. И на тех, которые прежде других почувствовали правду, лежит прямая обязанность разъяснять ее по силам и по разумению для самих себя и для других, не боясь даже впасть в увлечения, ибо, во всяком случае, увлечение правдою выше по смыслу и плодотворнее по действиям тупого, старческого равнодушия, выдаваемого часто за беспристрастие — и под таким именем подкупающего иногда, хотя, конечно, ненадолго, сочувствие к себе людей благомыслящих, которые относятся правильно к новым

явлениям в искусстве, в науке и в жизни, но имеют несчастье думать, что все так же, как они, к ним относятся и что, стало быть, об этих явлениях так же, как и обо всем, должно говорить тоном умеренным и спокойным, забывая, что многих введет только в искушение такой тон, что большинству правда должна быть даваема не «с мерой, а с верой», — что беспристрастие такое, которое равным и всегда ровным тоном говорит о высоких и обыденных явлениях в искусстве, о крупных достоинствах и недостатках первых и о мелких достоинствах и недостатках последних, — этим самым тоном делает безобразное между ними сближение и дает повод другим, тупым или недобросовестным в критике, лицам загоразживать на время высокое создание беспутною кучею галантерейных вещиц, поставленных с ним на одной и той же полке. Собственно говоря, — но это, впрочем, мое личное мнение, за которое я один и подвергаю себя ответственности, — смешно даже и говорить серьезным тоном о галантерейных вещицах, когда есть хоть одно художественное изваяние, с высокими достоинствами и с соразмерными же, пожалуй, недостатками, — и *равное* беспристрастие в этом случае — или просто самообманывание, или робость и тайная неуверенность в своих началах. Вот я, дескать, попробую пояснее других выказать недостатки произведения, которое я считаю, немножко втихомолку, гениальным, — авось, тогда я буду иметь право пустить в ход этот эпитет; я притворюсь, что пишу об нем холодное исследование, когда вся моя душа потрясена им, когда оно оправдало мои неясные стремления, мои лучшие зрелые мысли, мои эстетические и даже нравственные начала, чтобы не посмеялись надо мною те, с кем у меня, в сущности, нет ничего общего, — чтобы даже и они признали мое беспристрастие и, таким признанием обличивши самих себя, вынуждены были бы согласиться со мною в оценке нового явления. Первое дело, что до одобрения или похвалы таковых мыслящему человеку не должно быть ни малейшей нужды, а второе и главное дело, что на суде собственной совести окажешься неблагодарен к произведению, которое тесно связано с душевными вопросами. Только время есть настоящий оценщик произведений гениальных, то есть таких, которые, при безотносительных, чисто художественных достоинствах, имеют еще то свойство, что быют прямо в историческую жилу, дают ответы на вопросы эпохи и тем могущественно на оную действуют; многое, что нам кажется недостатком, в будущем причислено будет к достоинствам, и наоборот, многое такое в будущем сойдет на степень красоты относительной; чему настоящее придает значение безусловное. И мало того — есть еще причина, по которой равенство тона несправедливо в отношении к высоким и мелким явлениям настоящего и *summum jus* будет *summa injuria*², — причина мало лестная для чести природы человеческой, но тем не менее существующая, причина, высказанная великим поэтом-идеалистом в следующих стихах:

Es liebt die Welt das Strahlende zu schwärzen
Und das Erhabne in den Staub zu ziehn.

То есть: «Любит мир чернить все сияющее и все высокое совлекать во прах». Есть множество людей, которых оскорбляют *внутренно* высокие явления или потому, что напоминают им о их собственном ничтожестве и безобразии, или потому, что идут вразрез с их кабинетными идейками, или, наконец, потому, что возникли без их ведома и согласия. Уровень беспристрастия, проведенный в глазах их людьми правильно мыслящими, но считающими обязанностью прикрывать свое глубокое сочувствие личиною холодности — для них, до тех пор молчавших из осторожности, — будет поводом к снятию маски; а соблазняются они сами, — соблазняют

² Высшее право; высшее беззаконие (лат.).

и многих других. Гениальные произведения всегда тесно связаны с разными больными местами природы современного человека — и много есть, к сожалению, больных, ищущих только повода не прикладывать к больным местам мази, которая несколько больно действует. Да простят мне такое аптекарское сравнение и да не подумают, чтобы я искусство посылал ординатором в больницу. Искусство свободно и само себе цель; его высокие произведения идут в душе творцов от образов, а не от идей, но, тем не менее, посредством личностей творцов, плотью и кровью связаны с современностью.

По всем этим по крайнему разумению изложенным мною обстоятельствам, я думаю, что полное беспристрастие в отношении к современным высоким явлениям искусства принадлежит к числу одних желаний, всеми признаваемых за желания и всеми повторяемых *приличия ради*, — и что такому приличию место на паркетe салонов, а не на широкой арене литературы.

Оговорюсь таким образом наперед, я могу прямо перейти к делу.

С точки зрения исторической критики, всякий вопрос должен быть обысследован *ab ovo*³, схвачен с минуты его зачатия, но, конечно, не так, как дельвалось это в статьях наших журналов от 1838 до 1846 года, когда *всю* старую литературу подымали, говоря о каком-нибудь писателе, и вследствие этого впадали в беспре- станные и неминуемые повторения. Простейший способ исторического изложения вопроса будет, кажется, вот какой: 1) представить первоначальный синтезис, то есть, проще говоря, — вид вопроса, то положение, в котором вопрос в настоящую минуту находится и в каком он представляется взгляду, одним словом, — выйти прямо из настоящего. 2) При этом обозначатся различные стороны вопроса, преимущественно те, которых рассмотрение важно в настоящую минуту, а из таких сторон усмотрится связь вопроса со всем ему предшествовавшим. 3) Рассмотренный со всех таковых сторон и, посредством определения связи с предыдущим, поставленный на надлежащее место и в надлежащем свете, вопрос опять является синтезом, но уже сознанным, то есть является полным, закругленным, самостоятельным целым, — и должен быть рассмотрен в тех его отличительных чертах, которые сами собою обозначатся при анализе.

Так поступаю и я в отношении к предмету предлагаемой статьи. Но прежде чем приступлю к моему изложению, считаю долгом предупредить читателя, что весьма часто принужден буду ссылаться на прежние две статьи мои о движении и ходе литературы в 1851 и в 1852 году, иногда просто повторяя, иногда разъясняя и пополняя высказанные в них мысли, — ибо ныне предложенная статья есть ни что иное, как исторический вывод из тех данных, на которых основаны вышеупомянутые, — и составляет вместе с ними одно нераздельное целое, которому самым приличным названием считаю я следующее: «*Настоящая минута в литературе*».

I.

Обозрение деятельности Островского и отношение к ней критики

Деятельность Островского начинается собственно с 1847 года; вот все до сих пор им написанное в хронологическом порядке:

1) «*Сцены из замоскворецкой жизни*» 1847 г. — Напечатаны в «Московском городском листке» — журнале, издававшемся только год. Тут же, между прочим,

³ С самого начала (*лат.*).

появилась одна сцена из комедии «Свои люди — сочтемся!», носившей тогда название «Банкрут».

2) «Очерки Замоскворечья» — небольшой рассказ, — в том же году, в том же журнале.

3) «Свои люди — сочтемся!», комедия в 4-х действиях, — в «Москвитянине» 1850 года.

4) «Утро молодого человека», сцены в «Москвитянине» 1850 года.

5) «Неожиданный случай», сцены; в альманахе «Комета», — 1851 года.

6) «Бедная невеста», комедия в 5-ти действиях, — в «Москвитянине» 1852 года.

7) «Не в свои сани не садись», комедия в 3-х действиях, — в «Москвитянине» 1853 года.

8) «Бедность не порок», комедия в 3-х действиях, — напечатана отдельно в 1854 году.

9) «Не так живи как хочется», драма в 3-х действиях. Игрена на театре в конце прошлого года.

Самое первое из этих исчисленных нами больших и небольших, более или менее удачных, но каждое в своем роде оригинальных произведений — носило уже на себе яркую печать самобытности таланта, — выражавшейся и 1) в новости быта, выводимого автором и до него еще не початого — если исключить некоторые очерки Вельтмана и Луганского, очерки, набросанные, так сказать, вскользь, мимоходом, и 2) в новости отношения автора к изображаемому им быту и выводимым лицам, и 3) в новости манеры изображения, и 4) в новости языка, — в его цветистости, особенности. Из всего этого нового, что с первой минуты своего появления в литературу приносил с собою молодой поэт, — критика в состоянии была, да и теперь еще находится, — понять только новость изображаемого им быта. «Сцены...» — которые, относительно оконченности отделки, представляют едва ли не совершеннейшее произведение их автора — прошли почти что незамеченные: и немудрено! они едва ли составят печатный лист. Еще менее замечена была новость взгляда автора в маленьком рассказе: «Очерки Замоскворечья» — единственном произведении, вылившемся у него не в драматической форме. Появление комедии «Свои люди — сочтемся!» — как слишком рельефной, слишком яркой — наделало много шума; но весьма странно, что оно не вызвало ни одной дельной критической статьи. Комедия только изумила критику, — и комическое отношение критики к комедии изображено весьма остроумными, хотя несколько резкими чертами в известной шутке Эраста Благодурова. Но как ни недоумевала критика, а все-таки, пораженная и комедией, и общественным о ней мнением, не могла решить вопроса иначе как так, что явился талант сильный, свежий и... наиболее близкий к таланту, ныне спящему в могиле, — к таланту, первенствовавшему тогда по всем правам. Бедная критика! вот в этом-то она и ошиблась — в этом-то таился тогда и обнаруживается теперь источник ее недоразумений. С этого-то пункта и начинается настоящая история нового явления в литературе.

«Новое слово» — выражение, от которого автор сей статьи всего менее, конечно, способен отречься, несмотря на глумления, которые пройдут, если уже не прошли, — «новое слово» ускользнуло от определения старой критики, а теперь уже — так далеко от нее, что она его и видит — да «зуб неймет», как говорится. Комедию «Свои люди — сочтемся!» — еще можно было как-нибудь, с великими, правда, натяжками, связать с мудрыми заключениями критики обо всем предшествовавшем в литературе и с еще более мудрыми гаданиями ее насчет будущего: все последующее так явно отделилось от этих заключений, что поневоле должно было рассердить критику, задеть самые больные ее места,

коснуться самых ветхих ее построек, на которые ветер дунь хорошенько, так они упадут.

И критика стала в очевидно комическое положение к новому явлению. Явилась «Бедная невеста» — а она ждала совсем не того после комедии «Свои люди — сочтемся!». Еще прежде Островский рассердил критику отсутствием желчи, резкости в определениях лиц, наивностью манеры в грациозных сценках, известных под названием «Неожиданного случая» — сценках, говоря *par parenthèse*⁴, — гораздо более тонких, чем многие прославленные критикою тонкости; но с появления «Бедной невесты» критика положительно начинает сердиться на лица, выводимые по-этом. Буквально так! Ни в одной статье, писанной в журналах по поводу той или другой драмы Островского, вы не встретите и в помине вопросов художественных. Критика постоянно сердится на лица, на манеру отношений автора к изображаемому им быту, то есть на самый быт, растворяющий перед нею свои широкие, гостеприимные двери; постоянно становится то в положение Мерича или даже Милашина, — то в положение Виктора Аркадьича Вихорева и жены Маломальского или тетушки, набравшейся в Таганке образования, — то в положение Гордея Карпыча Торцова. С их точки зрения она смотрит, с их точки зрения винит Хорькова в неблагородстве поступков; Русакова и Бородинку хочет уверить, что они не могут существовать; в Любиме Торцове не видит ничего, кроме пьянства; Любовь Гордеevну упрекает в отсутствии личности; Митю производит в юродивые. Дело в том, одним словом, что критика постоянно сердится, обижается, вламывается в амбицию. Явление чрезвычайно важное, поучительное и, как, вероятно, читатели видят сами, совершенно несомненное. Оно-то и поведет нас к вопросам, возникающим из драм Островского, — вопросам, в высшей степени достойным того, чтобы попытаться поискать их разрешения.

За что же сердится и обижается критика, — что оскорбляет ее в произведениях Островского? Чтобы постепенно добраться до оснований ее раздраженного чувства, начнем с перечисления признаков ее явно болезненного состояния, то есть с перечисления тех лиц или положений в драмах Островского, на которые она сердится.

1) «Неожиданный случай» встретила она насмешками и пародиями за бесцветность, по ее мнению, выведенных характеров, за слабость пружин, двигающих их отношения между собою, за ничтожность самого узла, завязавшего эти отношения, то есть, в переводе на прямой язык, — осердилась на то, что отношения, сами по себе легкие, поэт очеркнул легко, характеры безосновные изобразил в их безосновности — не выдумал гиперболического узла, не отнесся с ядовитою насмешкою к таким беззлобным и невинным существам, как Розовый и Дружнин. Пародия, явившаяся на этот легкий и грациозный очерк, которому, впрочем, ни автор, ни мы не придаем большого значения, — выставила ясно, какой грубости и резкости представления требует критика, — заметьте — та самая критика, которая ни слова не говорила о ничтожности характеров, безосновности завязок и пустоте содержания различных великосветских пословиц в драматической форме, — та самая критика, которая восхищается необычайною тонкостью пословиц А. де Мюссе, легкостью его очерков!

2) «Бедная невеста» рассердила критику, во-первых, тем, что Мерич — неизвестно какого звания; во-вторых, тем, что у Марьи Андреевны нет характера; в-третьих, тем, что Хорьков поступает неблагородно, передавая любовные письма Мерича; в-четвертых, тем, что выведено такое бесцветное лицо, как Милашин. Переведем опять на простой язык: критике очевидно досадно было, что Мерич лишен автором

⁴ Мимоходом, между делом (франц.).

тех черт, которые — вставь их только — закроют от глаз читателя его внутреннюю бедность и ничтожество и сделают его героем любой из унылых повестей, оплакивающих судьбу несчастных женских натур, подавленных грубою сферой быта. Критике досадно было на Марью Андреевну, что грубость требований окружающего быта не будит в ней, говоря любимыми словами критики, *протеста*, что *протест* не обращается в ее натуре в нечто постоянное. Критике досадно было, что в Хорькове нет той ложной деликатности, которая позволит скорее видеть гибель любимого существа, нежели нарушить условные приличия. Критике, наконец, больно было разоблачение всей бесцветной ничтожности натур, подобных натуре Милашина.

3) Комедия «Не в свои сани не садись» — своим огромным сценическим успехом опять ошеломила критику. Долго не решалась она высказать своего негодования на существование Русакова и Бородкина, и только в недавнее время объявила комедию слабою, лица Бородкина и Русакова — невозможными, с оговоркою насчет «Бедной невесты», как произведения несравненно более замечательного, — в том же самом журнале, где хвалилась как нельзя больше комедия «Не в свои сани не садись» и порицалась, осмеивалась «Бедная невеста», вместе с новым словом — выражением автора сей статьи. В одной из газет своих критика откровенно призналась, что новое слово точно есть, что она его видит в комедиях Островского, но что самое это новое слово ей не нравится.

4) «Бедность не порок», самая смелая, хоть и не самая оконченная из драм Островского, не могла не рассердить критику, находящуюся в совершенно болезненном положении — и за Гордея Карпыча, и за Любима Торцова. Гордей Карпыч — каков он ни на есть — все-таки представитель стремлений выйти из *грубого* и непонятного критике быта. Любим Карпыч в глазах критики — только пьяница, и ничего больше. Его стремлений выйти из метеорского звания, войти снова в семью, иметь честный кусок хлеба — его раскаяния, его порывов — критика не могла оценить: трагическая сторона его положения от нее ускользнула. На Митю критика осердилась за то, что Бог создал его с даровитою, нежною и простой душою, — Любовь Гордеевну опять обвинила за отсутствие личности, как прежде Марью Андреевну. На второй акт комедии рассердилась критика за то, что автор без церемонии ввел публику в самый центр нравов, обычаев, веселья того быта, который он изображает.

5) Последняя драма Островского, еще более смелая по мысли, широкая по содержанию, новая по характерам и еще более небрежная по формам или, лучше сказать, пренебрегающая формами, известна критике только по представлению, — но критика успела уже выразить свое неудовольствие, успела уже вырвать из нее и недобросовестно изуродовать несколько выражений. Дело простое и понятное: новость драм Островского, и в особенности — смелая новость последней его драмы, — есть чувствительное оскорбление одряхлевшей критике.

6) Вообще, наконец, критика начала изъявлять неудовольствие на язык, или, по ее выражению, на *жаргон*, которым писаны драмы Островского. Она и в самом деле наивно уверена, что язык в комедиях Островского — местный провинциализм, странность, которою, как говорят, поиграл, да и за щеку, — нечто вроде *пейзанского жаргона*, употребляемого, например, Мольером в «*Le médecin malgré lui*»⁵, в «*Le festin de pierre*»⁶ и других пьесах. Чего ж бы хотела критика? Чтобы лица драм Островского говорили не языком их быта? Да ведь это противоречило бы эстетическим положениям всякой критики, даже и той, с которой мы в настоящую минуту имеем дело, да и Островский притом — художник такого рода, которому типы при

⁵ «Врач поневоле» (франц.).

⁶ «Каменный гость» (франц.).

их создании предстают не иначе, как с своим языком каждый: иначе для него тип и немислим.

7) С начинающимся неудовольствием на *жаргон* драм Островского тесно связано неудовольствие на самый быт, им изображаемый. Собственно, критика сама не знает, чего она хочет. При появлении «Бедной невесты» раздались ее сетования, что Островский оставил быт, который он так мастерски изображает; теперь она вопиет на то, что этот быт говорит своим языком, имеет свои, ей неизвестные, нравы, представляет свои типы, которые она не желала бы видеть выводимыми и в несуществовании которых она так жарко хотела бы убедить и себя, и других. Солон ей этот быт, солон его язык, солон его типы — солон по ее собственному состоянию. Вот и вся разгадка. Нет критике дела ни до каких эстетических вопросов. Найдите хоть в одной статье ее указание на эстетические промахи автора. Их нет положительно, — или такие указания встречаются только в статьях нашего журнала.

«Новое слово!» — употребляю теперь с некоторою гордостью это выражение, высокопарность которого выкуплена легкомысленным или недобросовестным посмеянием, которому оно подверглось, — вот коренная, основная причина негодования старой критики на писателя, которому, по всему праву, по общему признанию массы, принадлежит, несмотря на его недавнее появление, несмотря на некоторые недостатки, — несомненное первенство в современной литературе.

С 1847 до 1855 года Островский написал всего только 9 произведений, и из них только *пять* значительных по объему и *шесть* по содержанию, только *четыре* из них даются на театре, — но эти *четыре*, без церемонии говоря, создали народный театр — частью создали, частью выдвинули вперед артистов, — пробудили общее сочувствие *всех* классов общества, изменили во многих взгляд на русский быт, познакомили нас с типами, которых существования мы не подозревали и которые тем не менее несомненно существуют, — с отношениями, в высшей степени новыми, драматическими, с многоразличными сторонами русской души, и глубокими, и трогательными, и нежными, и разгульными, — сторонами, до которых никто еще не касался. Право гражданства литературного получило множество ярких определенных образов, новых, живых созданий в мире искусства, — и все это прошло без урока для критики. Талант уже породил толпу подражателей, и грубые подражания печатались в ее же журналах, — а она продолжала глумиться над новым словом таланта!

Таково положение вопроса о новом явлении. Что же именно есть в нем такого нового, что не принимается критикой, — ибо вопрос, что она враждует не во имя эстетических положений, мы считаем решенным. Новы в таланте Островского, как во всяком самобытном таланте, — содержание и форма. Под содержанием разумею я: 1) общее отношение поэта к жизни, его мирозерцание; 2) типы, им создаваемые, и манеру их изображения. Под формою: 1) самобытность постройки произведений и 2) особенность языка. По этим категориям и следовало бы рассмотреть вопрос о таланте Островского безотносительно: но, чтобы нагляднее и яснее представить дело, должно употребить несколько окольный путь, начать *ab ovo*⁷. Новое слово Островского есть самое старое слово — народность: новое отношение его есть только прямое, чистое, непосредственное отношение к жизни, — и поэтому должно: 1) в кратком очерке представить различные отношения литературы нашей к народности и 2) в таковом же схватить предшествовавшее отношение литературы к жизни вообще. Тогда дело обозначится само собою и, отделивши, отграничивши его, поставивши на особое, ему принадлежащее место, можно будет определить его безотносительное значение.

⁷ С самого начала (*лат.*).

II.

Обозрение отношений литературы нашей к народности

Прежде всего, мы должны точнее определить смысл, в котором принимаем мы слово: народность литературы. Как под именем народа разумеется народ в обширном смысле и народ в тесном смысле, так равномерно и под народностью литературы. Под именем народа в обширном смысле разумеется целая народная личность, собирательное лицо, слагающееся из черт всех классов народа, высших и низших, богатых и бедных, образованных и необразованных; слагающееся не механически, а органически, если сам народ сложился не механически, а органически; носящее общую, типическую, характерную физиономию, физическую и нравственную, отличающую его от других подобных ему собирательных лиц. Под именем народа в тесном смысле разумеется та часть его, которая наиболее, сравнительно с другими, находится в непосредственном, неразвитом состоянии. Литература бывает народна в первом смысле, когда она в своем миросозерцании отражает взгляд на жизнь, свойственный всему народу, определившийся только с большею точностью, полнотою и, так сказать, художественностью в передовых его слоях — в типах — разнообразные, но общедоступные типы народного образа; в формах — красоту по народному понятию, выработавшемуся до художественности; в языке — язык народа, развившийся на основании его коренных этимологических и синтаксических законов. В тесном смысле литература бывает народна, когда она или 1) приноравляется к взгляду, понятиям и вкусам неразвитой массы, для воспитания ее, или 2) изучает эту массу как *terram incognitam*⁸, ее нравы и понятия как нечто чудное, ознакомливая с ними развитие и, может быть, пресытившиеся развитием слои. Во всяком случае, в том или другом — существованию такой литературы предпосылается исторический факт разрозненности в народе. Первого рода народность есть то, что на точном, хотя бедном языке цивилизации зовется *nationalité*⁹; второго рода то, что на оном же в не слишком давние времена получило определенный термин *popularité, littérature populaire*¹⁰. В первом смысле народность литературы как национальность является понятием безусловным, в природе лежащим, во втором — относительным, обязанным своим происхождением болезненному факту, и притом вовсе не искусством, которое прежде всего свободно и есть само себе цель. В каком же смысле должно быть принято заглавие этого отдела предлагаемой читателям статьи? Без всякого сомнения, в первом, то есть автор намерен в общем очерке представить различные отношения нашей литературы к народности как национальности. — Второе, тесное понятие нам совсем и не нужно, во-первых, потому, что нет существенной разрозненности в живом, свежем и органическом теле народа; а во-вторых, и потому, что в этом смысле литература перестает быть искусством, а становится педагогикой или естественной историей. Факт, что искусство в наше время преимущественно ищет типов или, лучше сказать, воспроизводит типы из мира, в тесном смысле народного, показывает только то, что в этом мире цельнее удерживаются и яснее обозначаются типы общей, родовой национальности, которой существенные, коренные черты одинаково общи всем слоям, что свидетельствуется явно живым сочувствием всех слоев к этим существенным чертам, признакам племенного единства, кровного родства, определенной и связующей нас всех во едино народности.

⁸ Неведомую землю (лат.).

⁹ Национальность (франц.).

¹⁰ Народность; народная литература (франц.).

К этой-то народности мы и рассмотрим различные прошедшие и настоящие отношения литературы.

Но прежде всего невольно рождается, сам собою задается вопрос: когда мы говорим о литературе греческой, английской, итальянской, испанской, даже немецкой и французской — приходит ли нам в голову спросить — народные ли поэты Гомер и Софокл, Шекспир и Байрон, Дант и Ариост, Лопе де Вега и Кальдерон, Гете и Шиллер, даже Расин, Мольер, Беранже?... Отчего же, напротив, как только мы беремся за кого-либо из наших поэтов, первый вопрос, который рождается, есть вопрос о том: народен ли он и в какой степени народен, то есть национален? Что за тревожное искание своей народности? и есть ли ему основания? и что оно свидетельствует? С другой стороны, при самом небольшом знакомстве с огромнейшею массою не скажу литературы, но письменности духовной и гражданской, самобытной и переводной, летописной, государственной, нравственной и поучительной, от Нестора и «Слова о полку Игореве» до политических умозрений Посошкова, — какая осталась нам от мира мудрых и доблестных предков, — при малом же знакомстве с устною, не письменною литературою возникнет ли вопрос о том, народна ли она?.. И в-третьих, наконец: какие мысли, понятия и какой язык лучше поймет умом и чувством русский человек: те ли и тот ли, который он встретит, раскрывши, примерно, книгу Посошкова, или которые попадутся ему в каком-либо из наших многих писателей прошлого и даже нынешнего века, хоть из тех, которые преимущественно занимаются естественною историею народа и подмечиванием чудного. Вопрос странный только на первый взгляд, и странность его уничтожится другим вопросом; что немец, самый, положим, неразвитой и необразованный, поймет и умом, и чувством лучше: Гете ли или какую-нибудь поэму о Титуреле, в которой он ни языка, ни чувств не понимает совсем?

Но вопросы могут быть разрешены только фактами. Перед нами — два несомненных факта.

1) Есть у нас огромная масса письменности, которая отделена от нас столетиями и которой язык, однако, всем без исключения русским людям понятен во всех столетиях, за исключением весьма немногих обветшалых слов и синтаксических построений: течет он совершенно свободно, то во всей простоте разговорной речи народа, то возвышаясь до религиозной торжественности или до высокого государственного пафоса. «А что *сказывашь*, — пишет великий князь Василий Васильевич в одной договорной грамоте с Юрьем Дмитриевичем, — занял еси у гостей у суконников шесть сот рублев, да заплатил еси, *сказывашь*, мой долг ординской Резеп Хозе да Абипу в кабалы, и на кабалах, *сказывашь*, то серебро еси подписал, и мне с тебе тот долг шесть сот рублев сняти; а с теми гостями ведатися мне опрочь тебе самому, а тебе мне тех сказати, у кого есь займовал». — Чья эта речь и кому она непонятна?.. Но это еще речь XV столетия: возьмите подальше, поглубже в древность. Да позволено будет мне в пояснение факта, хотя и несомненного, привести начало и конец описания лета 6619 из Ипатьевской летописи, где русский человек, и тогдашний, и теперешний, весь — с его религиозными и государственными понятиями, с его языком, даже, к удивлению читателя, с его характеристическими приемами, привычками, движениями¹¹.

В лето 6619. Вложи Бог Володимеру в сердце, и нача глаголати брату своему Святополку, понужая его на поганяна на весну. Святополк же поведа дружины своей речь Володимерю; они же рекоша: не верема ныне погубити смерды от ролы. И посла Святополк к Володимерю, глаголя: *да быхом ся сняли и о том подумали быхом с дружиною*. Послании же приидоша к Володимеру и поведаша всю

¹¹ Это одно из мест, наиболее подтверждающих блистательную, хотя простую, как Колумбово яйцо, догадку о великорусском начале во всей древности и на юге Руси, куда уже после привзошло другое начало и в язык, и в нравы, и в народную физиономию (примеч. Григорьева).

речь Святополчу; и прииде Володимер, и сретостася на Долобьске, и седоша в едином шатре Святополк с своею дружиною, а Володимер с своею. И *бывишу молчанью*¹², и рече Володимер: *брате! ты еси старей*; почни глаголати, как быхом промыслили о Русьской земли. И рече Святополк: *брате! ты почни*. И рече Володимер: *како я хочу молвити, а на мя хотят молвити* твоя дружина и моя, рекуще: *хощеть погубити смерды и ролью смердом?* Но се диво ми, брате, оже смердов жалуете и их коний, а *сего не помышляюще*, еже на весну начать смерд *тот* орати лошадью тою, и приехав половчин, ударит смерда стрелою и поимет лошадь ту, и жону его, и дети его и гумно его зажжет; то о сем чему не мыслите? И рекоша вся дружина: право воистину тако есть. И рече Святополк: *се яз, брате, готов есмь с тобою*, и посласта ко Давыдови Святославичю, *велячи ему с собою*. И встав Володимер и Святополк и целовастася и поидоста на Половце...

И побиша я в понедельник страстный, месяца марта в КЗ день, — избъени быша иноплеменище *многое множество* на реце Салинице, и спасе Бог люди своя. Святополк же, и Володимер, и Давыд прославиша Бога, давшего им победу такую на поганные, и взяша полона много, и скоты, и кони, и овце, и колодников много изоимаша руками. И въспросиша колодник, глаголюще: *како вас толика сила и многое множество, не могостесь противити, но въскоре побегосте?* Си же отвечаваху, глаголюще¹³: *како можем битися с вами?* а друзии ездяху верху вас в оружьи светле и страшни, иже помогаху вам. *Токмо се суть ангели, от Бога посланы помогать крестьяном.*

Какая страница — даже Карамзина, Карамзина, которого имя с благоговением должен произносить русский человек, сравнится с этою безыскусственною, но характеристическою страницей? И что может быть народнее, — так сказать, русее? От чувства до языка, от мыслей до движений — здесь русский дух, здесь Русью пахнет!

Позвольте напомнить также несколько высоко-красноречивых или умильных мест грамоты, которою звали на царство Михаила Федоровича Романова:

И великое Российское царство, по злой его вражьей прелести (Гришкиной), яко море, восколебася, и неистовые глаголы, яко свирепые волны, возшумеща, и неукротимо и не направляемо, аще и кормчии мудрии беша, но ярость моря их повреди, и суетну мудрость их сотвори, и во своя стремления все обрати...

...а Российское царство вдовствует, и отечество их царское сиротствует, и пресветлый их превысочайший царский престол плачет, сидящего на себе царя царствующего не имея, земля же вся малая с великими и с сущими младенцы бесчисленным плачем вопиют, что ими, людьми Божиими, промышлять некому...

Едва ли речь может быть величавее, умильнее и художественнее. Какая сила и простота красноречия! Или вот из сей же грамоты место о конечном разорении Московского государства:

Они жь, злодеи, нимало на то великого святейшего Ермогена, патриарха Московского и всей Русии, обличение преклоншеся, ни страха Божия бояшеся, ни страшного Христова пришествия судити и воздавать комуждо по дедом его чающе, наипаче на всякое зло начаше простиратися: царствующий же град Москву во всем Российском царстве *и мать градовом*, деревянной и каменной большой город выжгли и высекли не крестьянским обычаем, и церкви Божии, в которых из давних лет славилось имя Божие и за весь мир жертва к Богу приносилась, и монастыри осквернили и разорили, и многоцелебные мощи Великих Московских Чудотворцев обругали, и образы и чудотворцевы раки обдирали и ломали, и всякое осквернение и поругание нашей православной крестьянской вере Греческого закона починили, и дерзосердного страдальца великого святейшего Ермогена, патриарха Московского и всей Русии, непобедимого, крепкого в православии столпа и нового во святых исповедника и непоколебимого поборника по нашей истинной православной вере Греческого закона, с великим бесчестьем с престола свергли и из святительского престола обнажили, и в заточение посадя,

¹² Черта драгоценная, как и все последующее, в отношении к верности народной великорусской физиономии. Сперва помолчали, как следственно, потом отговариваются говорить первые. Самый приемы речи Мономаха чисто великорусский. Точно как их видишь перед собою — так они тут живы! (примеч. Григорьева).

¹³ Припомним письмо экзарха Грузии и рассказы турецких пленных. Русь все та же и те же у нее защитники и заступники! (примеч. Григорьева).

мучительскою смертью не крестьянски уморили; а священнически и иночески чин, и бояр князя Андрея Васильевича Голицына, и иных бояр, и дворян, и детей боярских, и всяких служилых людей, и гостей, и торговых, и жилецких, и всяких, и простых людей бесчисленное христианское множество, мужеска пола и женска, и несовершеннолетних младенцев побили мучительно, и кровь многую христианскую по всему царствующему граду Москве невинно пролили; и царскую казну, многое собрание из давних лет прежних великих государей наших, царей Российских, и их царские утвари, царския шапки и коруны, и их царское всякое достоянье, и чудотворные образы к Жигимонту королю отослали, а достальную царскую казну, в церквах Божиих и в монастырех, и в домех, и в лавках, и в погребях, многие неисчетные богатства московских всяких людей пограбя, по себе разделили...

И видя такому великому и преславному московскому государству от Жигимонта, короля польского, и от его польских и литовских людей конечное разоренье, и православной христианской вере поруганье, и святым местом осквернение, кто не восплачет и не возрыдает! *Превыше бо бысть сие зло вифлиемского плача от незаконного детоубийца Ирода: тамо бо младенцы токмо убийственными закалахуся дланьми, zde же престаревающие и седины цветущи, и в возраст приходящи юноши, и жены честнообразны, и отроковицы нетленны, и младенцы безгрешны вкупе от ляхов и от германского роду раздробляхуся и закалахуся: рыдание же повсюду, и плачь велегласен на аер восходит, и горы убо супротив плачущим возглашаху, бреги же волнами супротив шумяху; и бысть гром по всему граду всемертвенный...*

Безыскусственное красноречие правды возвышается здесь до такой патетической силы, которой что-либо равное можно найти разве только в последних томах карамзинской «Истории» или пушкинского «Бориса». Едва только окунетесь вы хоть немного в море этой огромной письменности, вы почувствуете, что она освежает, отрезвляет вас, отзывается на все ваши вопросы религиозные, моральные, общественные, — отзывается самобытно, иногда слишком просто, но всегда так, что простота отзывает вас на новые соображения. Сомнений нет, что она, эта письменность, отделенная от нас веками, более по-нашему, по-народному, отзывается на наши стремления, чем литература прошлого века и большая часть произведений литературы современной; сомнений нет, например, что проповедь Кирилла Туровского и художественностью, и самобытностью недостижимо выше проповеди Феофана Прокоповича, что только в произведениях двух современных витий найдутся образцы, равные ей, этой проповеди XII столетия, простотою и глубиною мысли, величию и красотою слова. Сомнений нет, что безыскусственные замечания о странах чужеземных какого-нибудь стольника Ивана Чемоданова, правившего посольство во граде Вениции, — умнее и дельнее замечаний современных туристов, — сомнений нет... но мы думаем, что и так уже слишком много наговорили о несомненном факте, что и так уже имеют право многие укорить нас в том, в чем Курбский укоряет Ивана IV в начале одного своего послания... А «Домострой» и Посошков? а масса литературы устной, масса огромная, живая, свежая?..

Перейдем к другому факту...

II) Другой факт, не менее первого несомненный, — тот, что с начала XVIII столетия и до наших времен мы имеем как письменность вообще, так и литературу в частности — количественно огромную же, но которой значительная часть потеряла для нас всякий другой интерес, кроме исторического; еще более значительная не имеет даже и этого интереса и отошла только в область библиографии; наконец, весьма небольшая сравнительно, — еще жива и свежа для нас доселе... Особо наглядательно в этом факте то, что явления, по времени к нам более близкие, стали нам несравненно более чужды, нежели отдаленнейшие. Сомнений нет, что, например, литературная деятельность Полевого и Кукольника — гораздо более чужды нам и гораздо более утратили для нас свежести, жизненности, чем деятельность Карамзина и Батюшкова (сопоставляем эти имена с предшествовавшими вовсе не для сравнения: оборони нас, боже!), что, забывши нравоописательные

романы г. Булгарина, мы с участием и интересом будем читать новиковского «Живописца» и даже нравоописательные очерки Сумарокова; сомнений нет, что язык Сумарокова и Новикова — изящнее, проще и живее языка критических статей наших журналов. Наконец, что за повторение одного общего явления мы видим в деятельности всех писателей наших, имеющих на литературу сильное влияние? Образ мыслей и чувствований, равно как и язык Карамзина, мужая с летами и с его «Историєю», все более и более приближается к языку старых памятников. Образ мыслей и чувствований Пушкина, который и в молодые годы свои советовал нашим журналистам учиться языку у московских просвирен, равно как и язык его, созревая, сходятся в величавости с мышлением и языком старых же памятников, в простоте — с мышлением и языком народа: «Борис» и «Капитанская дочка» равно об этом свидетельствует. Последние произведения Жуковского, хотя и чуждые, как вся его деятельность, чисто-народного содержания, представляют, однако же, в форме своей то же самое, ибо последнее слово их — есть освоение чужеземного в совершенно самобытной русской форме. Гоголь постепенно высвобождается из-под влияния малороссийской местности. А начинают все эти писатели не так, начинают все под теми или другими влияниями. Повсюду, одним словом, очевидно одно явление — тревожное искание своей народности и обретение точки успокоения в возврате к старым памятникам, возврате, который есть вместе с тем не что иное, как погружение в живую народную жизнь, в живое народное воззрение, в живую народную речь. Четыре великих писателя, нами упомянутых, четыре представителя различных эпох более или менее мучительною борьбою выкупили сознание самобытности: только один из них, гениальнейший, владел инстинктом народности в такой степени, что вышел из борьбы совершенно целым, и только преждевременная смерть помешала ему совершить множество народных созданий; другой, столь же гениальный, но с гениальностью более одностороннюю, дошел до сознания путем отрицательным, но, измученный отрицанием, перевел вопрос за его естественные границы — и пал последнею жертвою той трагической мойры, которая тяготела, как он сам заметил, над русскими поэтами. Но еще прежде этих представителей четырех эпох, которых мы ближайшие дети или много внуки, литература наша представляет постоянное стремление к сознанию народности. Это-то и разумеет автор сей статьи под именем отношений литературы к народности, отношений положительных или отрицательных — все равно. Обозревши их, хотя и в кратких чертах, но все — с той минуты, как разорвалась непосредственная связь письменности с народною жизнью, как литература, с теми или другими понятиями, приступила к народности, как к предмету вне ее лежащему, мы увидим ясно, на какой точке стоим мы теперь. Для нас уяснится притом, даже и в беглом очерке, — выше или ниже уровня самого предмета стояло то, с чем литература приступала к предмету. Естественно, что мы схватим только существенные стороны, наиболее резкие отношения.

Но прежде чем пройдут перед нами различные такие отношения литературы к народности, мы должны остановиться на минуту на явлении, стоящем совершенно уединенно в отношении к последующему, — на писателе, связанном языком, образом воззрения, чувством — с старобытною жизнью, но между тем исполненным тревожного духа реформы, носившем ее потребности в груди своей бессознательно, осмысливавшем по-своему и на основании исстари завещанных форм свои тревожные стремления, — на писателе, который находится на грани двух письменностей, старорусской и европейско-русской, — на Посошкове. Мы возьмем его не как политико-эконома, не как политика вообще, а возьмем в его отношениях к народности, которые всего лучше могут послужить исходною точкою для нашего обозрения.

«При Петре I — замечает весьма справедливо издатель его сочинений в ответ на могущие возникнуть сомнения о том, чтобы они могли принадлежать простолюдину, — различие между образованием бояр и простолюдинов не было так различительно, как ныне, ибо происходило из одного и того же источника». Из этого источника, общего всей старой Руси, выходит весь взгляд Посошкова, одинаковый, стало быть, со взглядом «Домостроя» и других, еще более древних памятников. Но Посошков — сын своей эпохи, исполненной желания улучшения, потребностей более разнообразных, более сложных; Посошков не только не чужд нововведений, но горячо хлопочет о множестве полезных нововведений, горячо сочувствует Преобразователю. Даже в язык его, простой, народный и чистый, как язык всех памятников предшествовавшей эпохи, прокрадываются чужеземные слова, совсем западные (мизирный и т. д.) или польские (пильно). Стало быть, одним словом, он смотрит *сверху*, как многие до реформы еще смотрели сверху; стало быть, о его *отношении* к народности мы можем говорить. Но верх, с которого он смотрит, — его идеалы, во имя которых он к тому, другому или третьему относится положительно или отрицательно, взяты не извне, а из самой полноты прошедшего и настоящего окружающей его жизни, или уклоняющейся от них, или представляющей недостаточные средства к их осуществлению: в первом случае, он относится увещательно и часто сатирически-увещательно; во втором — поучительно, предлагая те или другие меры, отрицательные или положительные. Когда он относится к явлениям сатирически, — точно как будто вы повторяете ту или другую страницу «Мертвых душ».

И в художественных мастерствах, — говорит он, например, — весьма деется у нас в России не-исправно: в начале, егда кой человек отдастся в научение к мастеру и поставит срок, к которому ему выучиться, и еще мастер *не скроется* и изучит его скоро, *то он, не дожив срока, и станет прочь отбиваться, и отишед станет делать собою; и еще хуже мастерского станет делать, то он цены сбавит, да и мастерство все погубит...*

Право, ведь только что не прибавлено: «и пошел ты валяться по улицам да приговаривать: нет житья русскому человеку!»

Вообще стоит только раскрыть Посошкова, чтобы убедиться в сказанном. Делать из него выписки и цитаты будет излишне: всякому следует с ним покороче познакомиться и стыдно тем, которые с ним незнакомы, тем более что, кроме типа русского человека, относящегося к неправде жизни с юмором отрицания, в Посошкове — в громадных размерах является тот идеальный тип, которого существование так не понравилось многим в лице Русакова. Сторону сатирическую раскроют и без нас в Посошкове, даже украсят, пожалуй. Мы даже удивляемся, как до сих пор ею мало пользовались: Посошков — авторитет, который не подвергается таким основательным подозрениям, как авторитет беглого дьяка Котошихина, на показаниях которого создаются такие живописные картины варварства и невежества его эпохи, — и читая Посошкова, мы часто думаем о господах, живописующих такие картины, обращаясь к ним с словами Ноздрева Чичикову: вот бы пища твоему сатирическому уму! У Посошкова и взгляд трезвее и строже котошихинского, и слова метче, и юмора больше. «Я не знаю — говорит он, например, жалуясь на множество челобитчиков, теснящихся в канцеляриях, — *что в том за краса*, еже так в канцелярию натеснится, что до судьи и дойти не моги». О невежестве одного лица он говорит, например, что «и татарке, против ее задания, ответу здравого дать не умел», и т. д. Все это черты драгоценные для любителей сатирического, и таких черт в Посошкове не оберешься. Но вопрос, — из чего выходит такое воззрение у Посошкова?.. Оно исходит из существенных, коренных черт его идеального взгляда, на которых преимущественно мы и остановимся, как на краеугольном камне всех последующих выводов...

(Продолжение в следующем №)

А. А. Григорьев

О комедиях Островского и их значении в литературе и на сцене

Впервые: М. 1855. № 3. С. 97–118. Цензурное разрешение — 11.03.1855. Цензор И. И. Бессомыкин.

Переизд.: Григорьев А. А. Сочинения / Предисл. Н. Страхова. СПб., 1876; Григорьев А. А. Собр. соч. / Под ред. В. Ф. Саводника. М., 1916. Вып. 11; Григорьев А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. / Под ред. В. Спиридонова, со ст. проф. С. А. Венгерова и прив.-доц. В. А. Григорьева. Пг., 1918. Т. 1; Тимашова (со значительными сокращениями).

Статья была сдана в типографию к 17 февраля 1855 г. и задумывалась как первая часть цикла «об Островском или, правильнее, о настоящей минуте в литературе» из 4 частей, каждая из которых должна была занимать примерно 2 авторских листа (см.: Григорьев. Письма. С. 82). Фрагмент, включающий перечисление и краткую характеристику сочинений Островского, включался в состав других статей Григорьева, в том числе: «После “Грозы” Островского. Письма к Ивану Сергеевичу Тургеневу» (Русский мир. 1860. № 5. 16 янв.; № 6. 20 янв.; № 9. 30 янв.; № 11. 6 февр.), «Русский театр. Современное состояние драматургии и сцены» (Время. 1863. № 2).

Статья открывает посвященный русской литературе и критике цикл сочинений Григорьева, опубликованный в «Москвитянине» в 1855 г. (см. в наст. изд. статьи «Замечания об отношении современной критики к искусству» и «Обозрение наличных литературных деятелей»). Непосредственное продолжение статьи, однако, было запрещено цензурой (см. Приложение I). Цикл Григорьева, с одной стороны, выражает сформировавшуюся годом ранее программу уже почти распавшейся «молодой редакции» «Москвитянина», (ср. в наст. изд. рецензию Эдельсона на комедию «Бедность не порок» и коммент. к ней), а с другой, подготавливает создание Григорьевым «органической критики» в начале 1860-х гг. — не случайно ключевой фрагмент, посвященный творчеству Островского, практически без изменений переносился в более поздние статьи.

Как и другие сочинения Григорьева середины 1850-х гг., статья сохраняет некоторые эстетические принципы ранней «молодой редакции», в особенности преимущественное внимание к «художественной» стороне литературных произведений и непризнание за другими критиками способности к ней обращаться: «Ни в одной статье, писанной в журналах по поводу той или другой драмы Островского, вы не встретите и в помине вопросов художественных» (наст. изд., с. 472). Статья прямо строится как продолжение полемики об Островском, начатой в годовых обозрениях «Русская литература в 1851 году» и «Русская изящная литература в 1852 году», причем первый ее раздел посвящен тем же вопросам, чему и более ранние статьи, — осуждению современной критики, развивающей наиболее слабые принципы В. Г. Белинского, а также полемике с самим Белинским и его современниками. Подчеркивая, что речь идет о критике 1838–1846 гг., Григорьев исключает из рассмотрения первый период творчества Белинского, видимо, потому, что сочувственно относится к шеллингианским литературным теориям молодого Белинского (см. в наст. изд. статью «Замечания об отношении современной критики к искусству»). Отвечая на многочисленные упреки своих журнальных оппонентов, Григорьев наконец формулирует, чем является «новое слово»

Островского: «Новое слово Островского есть самое старое слово — народность...» (с. 474). Само по себе, это суждение напоминает высказывание в статье «Русская литература в 1851 году»: «Нет ни новой школы, ни нового творчества, кроме известного и Гоголю, и автору новой комедии...» (наст. изд., с. 184). Однако оно помещено в совершенно новый контекст: в ранней статье за Островским отрицалась новизна в смысле большей художественности по сравнению с Гоголем, а в новой — в смысле большей народности по сравнению с Пушкиным. К категории народности обращались многие критики и до Григорьева: рассуждения на подобные темы можно найти еще у А. С. Шишкова, а в романтической и постромантической критике идеи народности относятся к общим местам. Разграничение в русской культуре самих понятий «национальность» и «народность», к французским наименованиям которых отсылает Григорьев, оказалось проблематичным с терминологической точки зрения. Эти понятия выделялись с большим трудом, причем обычно с опорой на опыт западноевропейских или польского языков (см. подробнее: Богданов К. А. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М., 2006. С. 105–145; Миллер А. И. История понятия *нация* в России // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. 2.). Длительных и сложных оговорок требовало использование этого понятия в литературной критике. Трактовка Григорьевым понятия «народность» достаточно оригинальна: он совершенно не упоминает о Белинском, который, из всех русских критиков, предложил наиболее развернутую теорию народности. Белинский следовал за немецкой философской эстетикой, в которой «национальное» определялось как имеющее отношение к общечеловеческому началу, созданному в ходе исторического развития, а народное — как то, что относится к естественному, доисторическому бытию (ср. определение М. Н. Каткова, 1839: «Надобно отличать народное от национального. Народным должно называть все то, что вытекает из естественного состояния народа, состояния, в котором дух безразлично слит с природою; национальное же — все то, что напечатлено самосознанием, развивающимся духом какого-либо народа как органической части целого человечества, как *нации*» — Пушкин в прижизненной критике. Т. 4. С. 303; см. также об этих категориях: Terras. Р. 92–101; Вдовин. С. 33–34; о, возможно, актуальных для Григорьева дебатах 1820-х гг. о национальном и универсальном гении: см.: Мазур Н. Н. Пушкин и «московские юноши»: вокруг проблемы гения // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования. М., 2001. С. 58–59). Сложное соотношение, в которое вступают «народное» и «национальное» в поэзии, было одной из основных проблем, вокруг которых вели полемику немецкие романтики, в том числе Й. Геррес и К. Брентано (см. их тексты и коммент. к ним: Эстетика немецких романтиков / Сост., пер., вступ. ст. и коммент. А. В. Михайлова. М., 1987). Григорьев, несомненно, был в курсе проведенного романтиками разграничения понятий «нация» и «народ» — ср. в его статье: «Под именем народа в обширном смысле разумеется целая народная личность, собирательное лице <...>. Под именем народа в тесном смысле разумеется та часть его, которая наиболее, сравнительно с другими, находится в непосредственном, неразвитом состоянии» (с. 475). Однако критик последовательно снимает разграничение этих понятий, стремясь отождествить Островского как изобразителя русского народа, с одной стороны, и Островского как носителя национального духа, с другой: «Факт, что искусство в наше время преимущественно ищет типов или, лучше сказать, воспроизводит типы из мира, в тесном смысле народного, показывает только то, что в этом мире цельнее удерживаются и яснее обозначаются типы общей, родовой национальности...» (там же). Для Григорьева всеобщее значение творчества Островского объясняется именно его обращением к купцам, в наивысшей степени сохранившим народное своеобразие: его пьесы «пробудили общее сочувствие *всех* классов общества, изменили во многих взгляд на русский быт» (с. 474). Таким образом, национальное и этническое в статье сближаются. Значим интерес Григорьева к «русскому быту», который он далеко не случайно обозначает словом, использовавшимся в рамках националистических проектов русской этнографии середины XIX в.: «Понятие быта как целостной совокупности материальных и культурных элементов, составляющих особый образ жизни, было уникальной чертой именно русской этнографии. В отличие от таких понятий, как “цивилизация”, “просвещение” или “культура” <...>, “быт” не подразумевал никаких иерархий или сравнительных схем: невозможно выделить уровни или стадии быта» (Найт Н. Наука, империя и народность: Этнография в Русском географическом обществе, 1845–1855 // Российская империя в зарубежной историографии: Работы последних лет: Антология. М., 2005. С. 181). При этом Григорьев не отождествлял национальный дух с народными обычаями и был склонен видеть в народном начале универсальное значение — ср. его отказ сводить национальное к народному в статье «Стихотворения Н. Некрасова» (1862): «...я уж боюсь употребить слово “народность”, ибо это понятие слишком обузили в последнее время» (Григорьев. С. 455). Такой подход выглядел необычно на фоне традиции русской критики того времени, однако предвосхитил будущие идеи «почвенничества».

Новая концепция искусства определила и представления Григорьева о литературном каноне. Следом за С. П. Шевыревым, Григорьев видит непрерывную преемственность в развитии русской

литературы, от первых ее памятников до современности. Очевидно, такой подход также связан с отождествлением народного и национального: в отличие от Белинского, не видевшего общечеловеческого значения в допетровской литературе, Григорьев склонен усматривать в любом народном произведении всеобщую важность. Особое внимание уделяется в статье сочинениям И. Т. Посошкова, на тот момент малоизвестного автора. Внимание Григорьева к нему, очевидно, привлёк М. П. Погодин, опубликовавший сочинения Посошкова с предисловием, многое в котором могло привлечь внимание Григорьева, выступавшего в пользу преимущественно «народного» начала в литературе: «Читая его, видишь во всякой странице, что он был напитан страхом Божиим и предан от всей души христианской религии; сознавал человеческое достоинство, любил всех людей и заботился об их счастье не только в сей жизни, но и будущей; уважал книжное учение, то есть просвещение, образование, и почитал оное главным условием всех гражданских успехов; пламенно любил отечество, был предан неограниченно и безусловно верховной власти в лице государя, знал, понимал все способности русского человека и терпеть не мог или, по крайней мере, не имел никакой доверенности к иностранцам» (Посошков. С. XVIII; ср. статью Погодина о Посошкове: М. 1842. № 3). Если в статьях Григорьева 1854 г. связь Гоголя с национальным началом ставится под вопрос (см. наст. изд., с. 768–769), то здесь Гоголь вновь реабилитирован, однако оказывается уже менее значительным писателем, чем Пушкин. Григорьев выстраивает в своей статье своеобразную историю воплощения русской народности в литературную форму, опираясь на суждения писателей друг о друге. Так, чрезвычайно высокая оценка Карамзина вызвана, вероятно, знакомством с пушкинскими заметками о его «Истории...»; трактовка сочинений самого Пушкина во многом определяется суждениями, высказанными Гоголем в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Неизменным, впрочем, остается место Островского во главе современной Григорьеву литературы: именно отношением к Островскому поверяется достоинство современной критики. Очередное обращение к творчеству Островского диктуется как продолжением полемики с петербургскими изданиями, так и необходимостью поддержать драматурга в разгар скандала с участием Д. А. Горева, обвинившего Островского в присвоении собственных произведений (см.: Ревякин А. И. А. Н. Островский и Д. А. Горев // Русская литература. 1963. № 4; он же. А. Н. Островский и Д. А. Горев: К спорам об авторстве комедии «Свои люди — сочтемся!» // А. Н. Островский, А. П. Чехов и литературный процесс XIX–XX вв. М., 2003). Именно значение его творчества осмысливается в статье, особенно в ее наиболее значимом тезисе: «...эти четыре <пьесы>, без церемонии говоря, создали народный театр...» (с. 474). Речь здесь идет одновременно и о театре для народа, который должен был послужить местом воспитания и просвещения масс (такое понимание роли театра в деле просвещения разделял и сам Островский, восходит же оно к Ф. Шиллеру — см.: Журавлева А. И. Шиллеровские мотивы в театральной эстетике Григорьева-Островского // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1997. № 3. С. 106–110), и о национальном театре, который в романтической эстетике, в том числе у Ф. Шеллинга, обычно трактовался как наивысшая форма литературы (см.: Мазур Н. Н. Пушкин и «московские юноши»... С. 64).

Большинство читателей статью Григорьева не одобрило. Е. П. Ростоппина писала Погодину: «...кого интересует личное (не знаю, не лучше ли тут сказать: *безличное*, — ибо дело идет о нуле!...) мнение г-на Григорьева о друге его Островском? И как устоит слава бедного Островского против таких неуместных всеосуждений, похожих на буйлижники крыловского медведя?» (Барсуков. Кн. XIV. С. 240). Полемично построенная статья Григорьева вызвала резкую реакцию «Санкт-Петербургских ведомостей», не принявших положений критика. Анонимный критик газеты не согласился с первыми же предложениями статьи Григорьева, в которых критически оценивается русская критика: «С чего вздумалось г. Григорьеву возвести такую небылицу на русскую критику? В каком журнале нашел он, чтобы г-на Д. или г-на Н. предпочитали Гоголю? И кто такие эти безыменные господа?» (СПбВед. 1855. № 81. 15 апр.). Очевидно, под «безыменными господами» Григорьев имел в виду Белинского, прямо называть которого в печати было невозможно. Критик газеты, скорее всего, намекает на неэтичность литературного поведения Григорьева, писавшего о Белинском, наследие которого и так подверглось цензурным гонениям. Недовольство критика также вызвали темный язык статьи Григорьева и его манера цитировать немецкие тексты без перевода, то есть характерная для «молодой редакции» ориентация на «идеального» читателя, а не на реальную публику (см. об этом вступительную статью к наст. изд., с. 21). К разряду курьезов критик отнес и рассуждения Григорьева о «стольнике Чегоданове» и достоинствах сочинений А. П. Сумарокова. Видимо, логикой полемики диктовался крайне резкий отзыв об Островском, которого Григорьев ставил на первое место в русской литературе: в статье, по выражению критика, «перечисляются все произведения г. Островского с приличными восхвалениями и благоразумно умалчивается об отношениях этого писателя к г. Гореву, хотя московскому рецензенту было бы гораздо легче однажды навсегда разъяснить вопрос о первых произведениях г. Островского, явившихся в “Московском городском листке” и возбудивших такие странные толки?» (СПбВед.

1855. № 81. 15 апр.). Тем самым, газета фактически утверждала, что обвинения в плагиате, выдвинутые Горевым в адрес Островского, могут иметь под собою некоторые основания. Собственно литературное достоинство большинства сочинений Островского, в особенности комедии «Бедность не порок», резко отрицается критиком, возможно, следовавшим в этом за рецензией Чернышевского (см. наст. изд.). Соответственно, вся концепция «нового слова» кажется критику несостоятельной: «...тогда для чего же было и называть его *новым*? И неужели слово это необходимо было произносить со сцены медведем и козой в одном из дивертисментов г. Островского?» (Там же). Более развернутый отзыв появился в «Отечественных записках» (1855. № 6. Отд. IV. С. 54–63). Его автор С. С. Дудышкин иронично отозвался о привычке Григорьева никогда не завершать своих статей. Как и критик «Санкт-Петербургских ведомостей», Дудышкин был невысокого мнения о стиле статьи Григорьева и о банальности идей критика, касающихся народности (необычную трактовку Григорьевым этого понятия критик не оценил). Отношение Григорьева к древнерусской литературе критик «Отечественных записок» не без оснований возвел к позиции Погодина, которую, в свою очередь, считал достаточно банальной: «...пока г. Григорьев остается послушным учеником г. Погодина...» (Там же. С. 57). Так же Дудышкин отнесся и к идеям Григорьева о пути русских писателей к народности: «Факт, замеченный им у лучших наших писателей, то есть их стремление к народности <...> не требует никаких доказательств» (Там же. С. 58). Вероятно, следуя Белинскому, критик «Отечественных записок» отказывал в народности Жуковскому и упрекал Григорьева в том, что тот не упомянул в ряду народных писателей Д. И. Фонвизина. Завершая разбор статьи Григорьева, Дудышкин потребовал от него привести «определение народности» (Там же. С. 60), связав его отсутствие с бесконечными спорами о возможности или невозможности в народной среде характеров, изображенных современными писателями (см. статью Анненкова в наст. изд.). С вызовом критик «Отечественных записок» предложил: «Пусть бы автор, на основании правил, изложенных для семейной жизни в „Домострое“, определил, насколько они допускают возможность той интриги, которая сделалась главным двигателем всех наших повестей, романов и драм с XVIII-го столетия до настоящего времени включительно» (Там же. С. 61). На этот упрек Григорьев ответил в следующей статье своего цикла. Излагая собственные соображения по поводу народного начала в литературе, Дудышкин заметил, что древнерусская жизнь практически не затронута литературой и описывать ее на материале сочинений Посошкова, человека петровской эпохи, совершенно невозможно, точно так же, как невозможно, вопреки мнению Григорьева, рассматривать «народность» Посошкова в отрыве от его экономических и политических теорий. Не ответив на многочисленные вопросы о русской народности, Григорьев, по мнению Дудышкина, неспособен объяснить собственную литературную позицию, а также позицию всего журнала в целом. «Современник» откликнулся на статью Григорьева в очередном фельетоне Нового Поэта (см. наст. изд., с. 481–488). Панаев, как и Дудышкин, обратил внимание на неоконченность статьи Григорьева и его неспособность до конца сформулировать свои теории. Панаев резко выступил в защиту Белинского, заявив, что, по сравнению с ним, «молодая редакция» не сказала почти ничего нового и даже не доказала значения сочинений Островского. Спор Панаева с Григорьевым иронично прокомментировал критик «Библиотеки для чтения» (возможно, А. И. Рыжов): «Июньский фельетон „Нового Поэта“ спокоен — как безмятежный океан. Поверхность этого океана слегка бороздит утлое, беспарусное суднышко г. Григорьева, энергичного критика „Москвитянина“. Но океан невозмутим. Мы любим спокойное состояние критика-поэта — состояние теплой прозы, и вполне надеемся, что спокойные увещевания его подействуют на г. Григорьева, который, желая оповестить какое-то *новое слово*, категорически высказал покамест, ко всеобщему удивлению, только ту странную новость, будто критика 1838–1846 годов решительно никуда не годится, потому что ошибался в провозвестии *новых слов*. Нам кажется, что г. Григорьев, сам того не замечая, направляет орудие против самого себя, и старания Нового Поэта защитить общеуважаемую критику совершенно излишни» (БдЧ. 1855. № 8. Отд. VI. С. 28). Продолжая цикл своих статей 1855 г., Григорьев ответил и Панаеву, и Дудышкину (см. наст. изд., с. 489–493). Предвзятое отношение оппонентов Григорьева к его статье определило своеобразную трактовку его идеологии современниками — ср., например, письмо А. Д. Галахова к М. И. Семевскому от 17 октября 1855 г., где члены «кружка Островского» обвиняются в том, что «отвергают пользу изучения иностранных языков, трактуют о народности — о исключительно посвящении себя всему русскому» (цит. по: Славянофилы и «Русская беседа» в письмах М. И. Семевского к Г. Е. Благовестову (1856) / Вступ. ст., публ. и коммент. О. Л. Фетисенко // «Русская беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись. СПб., 2011. С. 345). Как концептуальная статья, работа «О комедиях Островского...» неоднократно цитировалась в самых разных работах об Островском и самом Григорьеве, в том числе в знаменитой статье Н. А. Добролюбова «Темное царство» (1859). Добролюбов, впрочем, по сути повторил упреки более ранней критики в непоследовательности мыслей, неясности языка и недобросовестности, по этим причинам Григорьев

мог упрекнуть критику в неспособности оценить пьесу «Свои люди — сочтемся!», обсуждение которой в печати не состоялось в связи с цензурным запретом.

С. 467. *Тому назад каких-нибудь десять с небольшим лет ~ г. Д. или г. Н.*... — Ряды «гениальных» писателей выстраиваются в своеобразное повествование о судьбах русской критики, впрочем, в значительной степени комически преувеличенное. С произведениями Шекспира и Гете сравнивал «Бориса Годунова», например, Д. В. Вeneвитинов в статье «Разбор отрывка из трагедии г. Пушкина, напечатанного в „Московском вестнике“» (1831; см.: *Пушкин в прижизненной критике*. Т. 3. С. 63, 65). К. С. Аксаков в брошюре «Несколько слов о поэме Гоголя „Мертвые души“» (1842) утверждал: «...только у Гомера и Шекспира можем мы встретить такую полноту созданий, как у Гоголя; только Гомер, Шекспир и Гоголь обладают великой, одной и той же тайной искусства» (*Русская эстетика и критика*. С. 51). Уже Белинский, за которым здесь следует Григорьев, обратил внимание на то, что Аксаков в этом перечне не упомянул Пушкина (см.: *Белинский*. Т. 5. С. 59). Впрочем, утверждение, что Лермонтов и Гоголь более актуальны, чем Пушкин, встречается у самого Белинского в статье «Русская литература в 1843 году»: «Как от литературы двадцатых годов прочные и действительные приобретения остались только в сочинениях Пушкина <...> и в „Горе от ума“ Грибоедова <...> — от литературы тридцатых годов у нас есть прочные и действительные приобретения только в сочинениях Гоголя и Лермонтова...» (см.: *Белинский*. Т. 7. С. 21), а в статье «Русская литература в 1845 году» Белинский объявил писателями прошлого и Лермонтова, и Гоголя (см.: *Белинский*. Т. 8. С. 16). Контаминируя все эти источники, Григорьев продолжает обширную традицию русской критики, осуждавшей подобные сопоставления. В 1830–1840-е гг. резкое осуждение параллелей между русскими писателями и западноевропейскими классиками едва ли не более частотно в русской критике, чем проведение этих параллелей. Григорьев вряд ли мог забыть пространное вступление к «Литературным мечтаниям» Белинского, его же полемику с Аксаковым по поводу «Мертвых душ» в отзыве на названную выше брошюру последнего, заключение статьи Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году»: «Как хвалили книгу покровительствуемого автора? Не говорили просто, что такая-то книга хороша или достойна внимания в таком-то и таком-то отношении, совсем нет. “Это книга, — говорили рецензенты, — удивительная, необыкновенная, неслыханная, гениальная, первая на Руси, продается по пятнадцати рублей; автор выше Вальтер Скотта, Гумбольта, Гете, Байрона...”» (*Гоголь*. Т. 8. С. 173). Вероятно, упоминание Григорьевым неких неизвестных писателей в финале этого рассуждения развивает именно соображения Гоголя, направленные против О. И. Сенковского, в гиперболических тонах восхвалявшего печатавшихся в его журнале «Библиотека для чтения» писателей (подробнее см. статью «Библиотека для чтения в 1853 году» и коммент. к ней, наст. изд., с. 770–771). Господа Д. и Н. — персонажи «Горя от ума» Д. и Н.; впрочем, не исключено, что одновременно можно понимать их и как намеки на реальных писателей. Под г. Д., вероятно, имеется в виду Ф. М. Достоевский. Возможна и автоцензура: Григорьев не хотел в печати намекать на фамилию осужденного по политическому обвинению Достоевского, а потому дополнил его указанием на некую условную фамилию. Ср. также наст. изд., с. 184.

С. 467. *Мы разумеем здесь критику ~ сходную более или менее в основных положениях.* — Перечислены журналы, где печатались известные русские критики 1820–1840-х гг., близкие, по мнению Григорьева, к вульгарно понятому романтизму: Н. А. Полевой (редактор «Московского телеграфа»), О. И. Сенковский (редактор «Библиотеки для чтения»), В. Г. Белинский (сотрудник «Отечественных записок», а потом и «Современника»). Упоминание в этом ряду «Пантеона», в отделе критики которого не участвовали известные авторы, видимо, иронично и призвано подчеркнуть невысокое достоинство перечисленных изданий. Аналогичным приемом пользовался Григорьев в одном из обзоров «Пантеона», где по глубине «литературного взгляда» сопоставлял этот журнал с «Современником» (см.: М. 1854. № 5. Отд. V. С. 29–30).

С. 467. *...она все чаще стала забывать имя Пушкина...* — По всей видимости, имеется в виду критика Белинского, считавшего Пушкина не очень актуальным автором для 1840-х гг. (см. выше).

С. 467. *...она, сперва сквозь зубы ~ своих «Мертвых душ»...* — В полемике с К. С. Аксаковым, в статье «Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя „Мертвые души“», Белинский указывал на недостатки в некоторых из лирических отступлений поэмы, в том числе в рассуждениях о «слове» русского человека и иностранцев (см.: *Белинский*. Т. 5. С. 155). В рецензии на второе издание поэмы Гоголя (1846) Белинский писал: «Важные же недостатки романа „Мертвые души“ находим мы почти везде, где из поэта, из художника силится автор стать каким-то пророком и впадает в несколько надутый и напыщенный лиризм <...>. К счастью, число таких лирических мест незначительно в отношении к объему всего романа, и их можно пропускать при чтении, ничего не теряя от наслаждения, доставляемого самим романом. Но, к несчастью, эти мистико-лирические

выходки в “Мертвых душах” были не простыми случайными ошибками со стороны их автора, но зерном, может быть, совершенной утраты его таланта для русской литературы...” (Белинский. Т. 8. С. 511).

С. 467. *Зрелые произведения Пушкина не нравились самым жарким поклонникам ~ написанным тяжелыми виршиами...* — В рецензии редактора «Московского телеграфа» Н. А. Полевого на «Бориса Годунова» (1833) речь идет о неспособности Пушкина создать подлинную историческую драму, сопоставимую с сочинениями Гете и Шиллера. По мнению Полевого, Пушкин совершил роковую ошибку, последовав за Карамзиным, не давшим достаточно проницательной трактовки русской истории. Саму идею создать историческую драму о Борисе Годунове Полевой считал доказательством «проницательного гения Пушкина» (Пушкин в прижизненной критике. Т. 3. С. 218). «Анджело» был назван самым плохим произведением Пушкина не в «Телескопе», а в газете «Молва», которую, как и журнал «Телескоп», издавал Надеждин (см.: Пушкин в прижизненной критике. Т. 4. С. 50). Резко отрицательно отзывался об этой поэме Пушкина и Белинский в «Литературных мечтаниях» (1834), также опубликованных в «Молве» (см.: Белинский. Т. 1. С. 48).

С. 467. *«Теперь мы не узнаём Пушкина: он умер или, может быть, обмер на время!»* — Цитата из статьи Белинского «Литературные мечтания» (см. предыдущее примеч.).

С. 467. *...в нем, по весьма глубокому и вероподобному предположению Гоголя, готовился великий живописец русского быта...* — Цитата из вошедшей в «Выбранные места из переписки с друзьями» статьи Гоголя «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность»: в Лермонтове «готовился будущий великий живописец русского быта...» (Гоголь. Т. 8. С. 402).

С. 468. *Разочарование перешло в известного рода осторожность...* — Имеется в виду отношение к Островскому русских критиков, не спешивших разделять восторг Григорьева (см. статью «Русская изящная литература в 1852 году» в наст. изд.).

С. 468. *...Карамзин — имевший общее образование, Карамзин — сын своей эпохи по преимуществу, Карамзин — историк государства Российского!..* — Вероятно, высокая оценка Григорьевым Карамзина основана на заметке Пушкина об «Истории государства Российского» (опубл. 1842), где высказана важная для критика идея о значении допетровского прошлого в русской культуре: «Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом» (Пушкин. Т. 11. С. 57). Могли повлиять на Григорьева и похвалы Погодина в адрес Карамзина, где в заслугу Карамзину ставилось в первую очередь распространение просвещения, а среди его сочинений первое место отводилось «Истории государства Российского» (см.: Похвальное слово Карамзину, произнесенное при открытии ему памятника в Симбирске, августа 23, 1845 года, в Собрании симбирского дворянства академиком М. Погодиным. М., 1845).

С. 468. *...Карамзин ~ был значительно ниже своей задачи...* — По всей видимости, имеются в виду выступления Н. А. Полевого, создателя «Истории русского народа» (1829–1833), против карамзинской «Истории Государства Российского» (см., например: Московский телеграф. 1829. № 6). О Карамзине как человеке, чье влияние уже давно перестало быть актуальным, писал и Белинский в статье «Литературные мечтания» (см.: Тимашова. С. 120).

С. 468. *...провозгласить печальную песнь вроде «Бедных людей» и анатомический препарат вроде «Двойника» — гениальными произведениями!* — Имеется в виду отношение В. Г. Белинского и в особенности В. Н. Майкова к повестям Ф. М. Достоевского (см. наст. изд., с. 647).

С. 468. *...противу рожна нельзя прати...* — Библийская реминисценция (Деян. 26: 14).

С. 468. 1) *В одном № журнала ~ начинают собою новую эпоху в литературе, и т. д.* — Григорьев характеризует отзывы «Современника» на произведения Островского. Эта манера отзываться также иронически изображена в статье Алмазова «Сон по случаю одной комедии», где высмеивалось употребление слова «господин» по отношению к Островскому (см. наст. изд., с. 126). В «Письмах Иногородного Подписчика» за декабрь 1850 г. (С. 1851. № 1) Дружинин писал: «Я, с своей стороны, согласен с отзывами многих беспристрастных ценителей в том, что “Утро молодого человека” основано на идее старой и избитой, что сцен этих слишком мало, что самый язык действующих лиц не имеет той прелести и той натуры, которой всякий ждет от комика, подобного г. Островскому, и со всем тем, я убежден, что каждый журнал с радостью поместил бы “Утро молодого человека” на своих страницах: так много в этих коротеньких сценах простодушной бойкости и наблюдательности» (наст. изд., с. 57). Следующий развернутый отзыв на произведение Островского — «Неожиданный случай» — содержится в рецензии на сборник «Комета» (1851. № 5; см. наст. изд., с. 113–119), однако характеристика Григорьева не точна.

С. 469. *...смешно даже и говорить ~ с соразмерными же, пожалуй, недостатками...* — Под «галантерейными вещами» имеются в виду произведения «петербургской» литературы, в том числе Некрасова, Панаева, Дружинина и др. (см. вступительную статью к наст. изд., с. 17, 24).

С. 469. *Только время есть настоящий оценщик произведений гениальных...* — Одно из общих мест европейской эстетики и русской литературной критики, восходящее к античности. У Григорьева

употребляется скорее в романтическом смысле. Ср., например, в статье Белинского «“Гамлет”, драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета» (1838): «...если гений или талант и точно были достоинством этих поэтов, то общество все-таки имело свое право на равнодушие к ним, потому что, в союзе со временем, оно есть самый непогрешительный критик...» (Белинский. Т. 2. С. 8).

С. 469. *Es liebt die Welt das Strahlende zu schwärzen / Und das Erhabne in den Staub zu ziehn.* — Цитата из стихотворения Ф. Шиллера «Орлеанской деве» (1801). Далее следует точный прозаический перевод Григорьева. В вольном переводе члена «молодой редакции» Б. Н. Алмазова: «Насмешки суд отраден черни грубой: / Он за нее душам высоким мстит...» (Утро: Литературный сборник. М., 1859. С. 390).

С. 470. *Гениальные произведения всегда тесно связаны с разными больными местами природы современного человека...* — Мысль Григорьева близка к идеям исправления современного человека посредством поэзии, высказанным в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя. Ср., например: «Оглянись вокруг: все теперь — предметы для лирического поэта; всяк человек требует лирического воззвания к нему; куды ни поворотишься, видишь, что нужно или попрекнуть, или освежить кого-нибудь» (Гоголь. Т. 8. С. 249).

С. 470. *Искусство свободно и само себе цель ~ плотью и кровью связаны с современностью.* — Тезис Григорьева восходит к романтической философии искусства, к аксиомам которой относится независимость искусства от каких бы то ни было политических или идеологических задач. Критик оригинальным образом соотносит эти представления с восходящими к И. Г. Гердеру идеями романтического историзма, предполагавшего, что художник есть высшее выражение своей эпохи (см. подробнее о внимании Григорьева к общим этим идейным комплексам: наст. изд., с. 652, 658, 671).

С. 470. *...полное беспристрастие в отношении к современным высоким явлениям искусства принадлежит к числу одних желаний...* — По всей видимости, скрытая полемика с А. В. Дружининым, обращавшимся к членам «молодой редакции» «Москвитянина»: «Читателям нет никакого дела ни до нашей душевной мягкости, ни до хороших сторон наших противников, ни до наших дружеских отношений. Они требуют от нас беспристрастия и злятся на его нарушение» (наст. изд., с. 273). Представление о высшей объективности искусства у Григорьева сочетается с убежденностью в невозможности объективной оценки этого искусства (ср. также коммент. к статье Б. Н. Алмазова «Сон по случаю одной комедии», наст. изд., с. 619–620).

С. 470. *...всякий вопрос ~ в беспрестанные и неминуемые повторения.* — Имеется в виду В. Г. Белинский и его критические статьи периода сотрудничества критика в «Отечественных записках» (1839–1846; именно ему соответствуют указанные годы), в которых регулярно пересматривалась история русской литературы, причем взгляд критика на эту историю часто менялся. Белинский часто выстраивал очередную концепцию истории русской литературы в отзывах на сочинения отдельных авторов (см., например, цикл статей «Сочинения Александра Пушкина», 1843–1846; статьи «“Горе от ума”...», 1840; «Русская литература в 1840 году», 1841). Ср. сходную характеристику статей Белинского в поздней работе Алмазова «Взгляд на русскую литературу в 1858 году» — наст. изд., с. 700). Композиция обзорных статей самого Григорьева близка к построению сочинений Белинского (см.: Егоров Б. Ф. Избранное. Эстетические идеи в России XIX века. М., 2009. С. 52). Вероятно, имеется в виду отход от идеологических принципов Белинского, а не от исторического подхода.

С. 470. *...принужден буду ссылаться на прежние две статьи мои о движении и ходе литературы в 1851 и в 1852 году...* — Имеются в виду статьи Григорьева «Русская литература в 1851 году» и «Русская изящная литература в 1852 году» (обе — наст. изд.).

С. 470–471. 1) «*Сцены из замоскворецкой жизни*» ~ в конце прошлого года. — Приводится исчерпывающая на тот момент библиография сочинений Островского с незначительными ошибками. Сцены «Картины московской жизни» (позднее название — «Семейная картина») опубликованы в газете «Московский городской листок» (1847. 14 и 15 мар.). «Записки замоскворецкого жителя» (название дано в статье неточно) опубликована там же (1847. 3, 4 и 5 июня; без подписи). В той же газете опубликован и отрывок из комедии «Свои люди — сочтемся!» (1847. 9 янв.). В «Московском городском листке», издававшемся в 1847 г. (редактор — В. Н. Драшусов), печатались и другие литераторы, впоследствии ставшие сотрудниками «Москвитянина», такие как Н. В. Берг. В «Москвитяnine» вышли следующие сочинения Островского: комедия «Свои люди — сочтемся!» (1850. № 6), сцены «Утро молодого человека» (1850. № 22), комедии «Бедная невеста» (1852. № 4; существовало и не упомянутое Григорьевым отдельное издание — М., 1852), и «Не в свои сани не садись» (1853. № 5; существовало и не упомянутое Григорьевым отдельное издание — М., 1853). Драматический этюд «Неожиданный случай» был опубликован в альманахе «Комета» (М., 1851). Комедия «Бедность не порок» вышла отдельным изданием (М., 1854). Наконец, драма «Не так живи, как хочется» опубликована в «Москвитяnine» уже после выхода статьи Григорьева (1855. № 17–18), однако шла на сцене Малого театра (премьера состоялась 3 декабря 1854 г.). Григорьев не упоминает о постановках пьесы в Александринском театре в начале 1855 г.

и о том, что на сцене Малого театра она шла и 12 января 1855 г. (см.: История русского драматического театра. М., 1979. Т. 4. С. 359).

С. 471. ...некоторые очерки Вельтмана и Луганского... — Речь идет о многолетнем сотруднике «Москвитянина» Алексее Фомиче Вельтмане (1800–1870) и В. И. Дале (см. о нем наст. изд., с. 694). Замоскворецкое купечество описано в романе Вельтмана «Приключения, почерпнутые из моря житейского» (1846–1848), купеческому же быту посвящена повесть Даля «Колбасники и бородачи» (1844). Вельтман вообще интересовал Григорьева: уже в ранней рецензии на роман «Емеля» критик особенно выделял интерес писателя к фольклору и его типично русский юмор, на основании которого Григорьев сопоставил романы Вельтмана с сочинениями Гоголя (см.: Финский вестник. 1846. № 4. Отд. V. С. 1–21). Вероятно, Григорьев имеет в виду в первую очередь описание обычаев, связанных с купеческой свадьбой.

С. 471. «Сцены...» ~ прошли почти что не замеченные... — Имеется в виду «Семейная картина» (см. выше, с. 794). Критические отклики на это произведение неизвестны.

С. 471. Еще менее замечена была новость взгляда автора в маленьком рассказе: «Очерки Замоскворечья»... — Имеются в виду «Записки Замоскворецкого жителя» (см. выше, с. 794). Критические отклики на это произведение неизвестны.

С. 471. Появление комедии ~ в известной шутке Эраста Благодрава. — Рассуждения о реакции критики на комедию «Свои люди — сочтемся!», по всей видимости, являются результатом сознательного искажения фактов: после появления пьесы в печати отклики на нее не публиковались в силу цензурного запрета. «Шум», возникший вокруг пьесы, связан с многочисленными устными и эпистолярными откликами на нее. В статье Алмазова «Сон по случаю одной комедии» изображено не реальное отношение критики к пьесе, а вероятная реакция на нее представителей разных литературных направлений (см. подробнее наст. изд., с. 619–621).

С. 471. ...явился талант сильный, свежий и... наиболее близкий к таланту, ныне спящему в могиле... — Имеется в виду Гоголь. Члены «молодой редакции» ранее противопоставляли его Островскому (см. в наст. изд. статью Алмазова «Сон по случаю одной комедии», с. 129–137). В этом они расходились со своими оппонентами из «Современника», утверждавшими близость Островского Гоголю (см. в наст. изд. статьи Некрасова и Дружинина, с. 116, 240).

С. 471. ...глумления, которые пройдут, если уже не прошли... — О понятии «новое слово» и спорах вокруг него см. статью Григорьева «Русская литература в 1851 году» и коммент. к ней (наст. изд., с. 185, 716 и др.).

С. 471. ...«зуб неймет», как говорится. — Цитата из басни И. А. Крылова «Лисица и виноград» (1808).

С. 471. ...Островский рассердил критику отсутствием желчи ~ под названием «Неожиданного случая»... — Речь идет об анонимной рецензии на сборник «Комета», опубликованной в «Современнике» (см. наст. изд.).

С. 472. ...постоянно становится то в положение Мерича ~ Митю производит в юродивые. — Григорьев пересказывает рецензии на пьесы Островского «Бедная невеста», «Не в свои сани не садись» и «Бедность не порок». Обвинения в адрес критики, которая «становится в положение Мерича или даже Милашина», близки к рассуждениям Григорьева из статьи «Русская изящная литература в 1852 году», направленным, в первую очередь, против критиков, выступавших по поводу «Бедной невесты», то есть И. С. Тургенева и А. Д. Галахова (см. наст. изд., с. 294–302). Другим объектом полемики является рецензия П. Н. Кудрявцева на комедию «Не в свои сани не садись» (см. наст. изд.). Критик замечал, что Русаков «скорее принадлежит к числу искомых характеров, нежели тех, с какими обыкновенно приходится встречаться в жизни» (наст. изд., с. 336), а манера, в которой описан Бородин, — «несколько сказочная» (наст. изд., с. 338). «Тетушка, набравшаяся в Таганке образования», — Арина Федоровна из «Бедности не порок» (см. д. II, явл. 12). Утверждение, что критика становится в положение этой героини, не соответствует действительности: Кудрявцев ее упоминал, отсылая к тем же словам об образовании в Таганке, однако как совершенно ничтожное лицо (см. наст. изд., с. 339). Вероятно, имеется в виду мнение Кудрявцева, что такие герои, как Вихорев, Арина Федоровна и Анна Антоновна («жена Маломальского»), могут быть приняты за носитель подлинной «образованности» (наст. изд., с. 347–348). С ними Григорьев соотносит Н. Г. Чернышевского, автора рецензии на комедию «Бедность не порок», где «юродивым» был назван Митя, а автор прямо согласился с негативной оценкой этого персонажа Гордеем Карпычем Торцовым (см. наст. изд., с. 430). Еще одним объектом полемики является рецензия Кудрявцева на «Бедность не порок», где действительно отрицается, что у героини Островского может быть собственная личность: «Пелагея Егоровна такое же олицетворенное отсутствие воли, как и дочь ее, только постарше годами. Женщина и воля, то есть личность, — для г. Островского понятия несовместимые. Его идеал женщины — женщина без личности» (наст. изд., с. 446). Сложный образ Любима Торцова сводили к апологии спившегося купца и Чернышевский, и Кудрявцев.

С. 472. «Неожиданный случай» встретила она насмешками ~ легкостью его очерков! — Речь идет о пародии Панаева «Расстегай» (см. наст. изд.). Об отношении Григорьева к творчеству А. де Мюссе, влияние которого на современную ему русскую литературу критик считал негативным, см. наст. изд., с. 665.

С. 472. «Бедная невеста» рассердила критику ~ натур, подобных натуре Милашина. — Григорьев пересказывает некоторые положения рецензий на «Бедную невесту» И. С. Тургенева и А. Д. Галахова (вторую см. в наст. изд.). Все рассуждение близко к статье Григорьева «Русская изящная литература в 1852 году» (ср. наст. изд., с. 299–303).

С. 473. Комедия «Не в свои сани не садись» ~ выражением автора сей статьи. — Имеется в виду рецензия на «Бедность не порок» Н. Г. Чернышевского, которую Григорьев, впрочем, смешивает с отзывом П. Н. Кудрявцева на комедию «Не в свои сани не садись»: именно в нем отрицалось правдоподобие образов Бородинки и Русакова (см. выше, с. 795). Чернышевский считал «Бедную невесту» более значительным произведением, чем обе последовавшие за нею пьесы Островского (см. наст. изд., с. 427). Григорьев обратил внимание на противоречие его статьи и отзыва Панаева на комедию «Не в свои сани не садись» (см. наст. изд., с. 349–350), где «Бедная невеста» ставилась ниже рецензируемой пьесы. Критика понятия «новое слово» характерна для позиции «Современника» вообще (см., например, наст. изд., с. 427–428). Отзыв Панаева построен на отрицании значения «нового слова», которого критик у Островского не усмотрел.

С. 473. В одной из газет своих ~ самое это новое слово ей не нравится. — По всей видимости, под «одной из газет» имеются в виду «Санкт-Петербургские ведомости». В одной из опубликованных в них статей действительно признается, что пьесы Островского оригинальны по сравнению с творчеством Гоголя, однако заслуживают торжественного наименования «новое слово» не в большей степени, чем произведения Тургенева и Григоровича (см.: СПбВед. 1854. № 15. 20 янв.). Впрочем, незадолго до появления статьи Григорьева рецензент «Санкт-Петербургских ведомостей» уточнил свою позицию, заявив, что ничего принципиально нового драматургия Островского не несет. Он сопоставлял Островского и А. Коцебу, приходя к выводу, «что не стоит критикам поднимать столько шума из ничего и, на основании некоторого сценического успеха произведений г. Островского, искать в них нового слова, тогда как главный элемент их старое и старое» (см.: Там же. 1854. № 64. 20 мар.). Вероятно, Григорьев помнил вторую из указанных статей «Санкт-Петербургских ведомостей»: в своей работе он вернется к идее о том, что «новое слово» есть «старое», однако полностью переосмыслит ее.

С. 473. «Бедность не порок» ~ который он изображает. — Имеются в виду рецензии на пьесу Чернышевского и Кудрявцева (см. выше).

С. 473. Последняя драма Островского ~ изуродовать несколько выражений. — Вероятно, имеется в виду отзыв «Санкт-Петербургских ведомостей» на пьесу «Не так живи, как хочешь», вызванный ее постановкой в бенефис Е. А. Мартынова (см.: СПбВед. 1855. № 17. 22 янв.). Рецензент считал пьесу серьезной неудачей Островского, свидетельствующей о падении его таланта. Автор статьи комментировал слова Груши «Я пьяна!» следующим образом: «Это очень оригинально, нет спору, но зато и отвратительно», а ниже обратился к героям Островского: «Послушай, пей, да знай же меру!». Скептические отзывы была газета и о московской постановке «Не так живи, как хочешь», также обращая внимание на постоянное появление в пьесе темы пьянства (см. статью Н. С. Назарова: СПбВед. 1854. № 282. 18 дек.). Отрицательные отзывы на пьесу, авторы которых, впрочем, не приводили из нее никаких цитат, см. также: ОЗ. 1855. № 1. Отд. IV. С. 55–57; БдЧ. 1855. № 2. Отд. VII. С. 162–163 (для содержания этих отзывов показательны название последнего в оглавлении журнала — «Оригинальная драма, в которой очень много пьют»).

С. 473. Вообще, наконец, критика начала изъявлять неудовольствие ~ и других пьесах. — Имеется в виду рецензия Кудрявцева, где, в частности, заявлялось, что Островский «превосходно знает язык изображаемого им класса людей и отлично умеет подделываться под его. Но это умение никогда не восходило у него до творчества и до сих пор оставалось на степени подражания. <...> Если и есть действительно такой жаргон, то какое дело до него искусству?» (наст. изд., с. 450). Далее Островский противопоставляется Мольеру, передававшему условными средствами грубую речь крестьян в пьесах «Лекарь поневоле» (1666) и «Дон-Жуан, или Каменный гость» (1665).

С. 476. ...приходит ли нам в голову ~ даже Расин, Мольер, Беранже?... — Григорьев перечисляет писателей, которые романтической эстетикой воспринимались как национально и общечеловечески значимые гении: древнегреческие — Гомер и Софокл (ок. 496–406 до н. э.), английские — Уильям Шекспир (Shakespeare, 1564–1616) и Джордж Гордон Байрон (Byron, 1788–1824), итальянские — Данте Алигьери (Dante Alighieri, 1265–1321) и Лудовико Ариосто (Ariosto, 1474–1533), испанские — Лопе Феликс де Вега и Карпыо (Lope de Vega y Carpio, 1562–1635) и Педро Кальдерон де ла Барка Энао де ла Барреда-и-Рианьо (Pedro Calderón de la Barca Henaó de la Barreda y Riaño, 1600–1681), немецкие — Иоганн Вольфганг фон Гете (Goethe, 1749–1832) и Иоганн Кристоф

Фридрих фон Шиллер (Schiller, 1759–1805). С оговоркой пишет Григорьев о французских писателях, которых он, вслед за Белинским (см. ниже), считал такими же далекими от народа, как и многих своих российских современников: Жане Расине (Racine, 1639–1699), Мольере (Molière, настоящее имя — Жан Батист Поклен, Roquelin, 1622–1673) и Пьере Жане де Беранже (Béranger, 1780–1857). Само по себе подобное контрастное сопоставление русских и европейских писателей очень распространено в русской критике, поскольку отражает общие для нее представления об отсутствии непосредственной связи между «национальным» началом, воплощенным в культуре высших сословий, и простонародным сознанием. Это сопоставление восходит к первым преромантическим произведениям русской критики, таким как трактат А. С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка» (1803): «Волтеры, Жан Жаки, Корнелии, Расины, Мольеры не научат нас писать по-русски. Выуча всех их наизусть и не прочитав ни одной своей книги, мы в красноречии на русском языке должны будем уступить сочинителю Бовы Королевича. Весьма хорошо следовать по стопам великих писателей, но надлежит силу и дух их выражать своим языком, а не гоняться за их словами, кои у нас совсем не имеют той силы» (Шишков А. С. Избранные труды / Сост., вступ. ст. и коммент. В. С. Парсамова. М., 2010. С. 75; не случайно сопоставление именно с распространенной в простонародье книгой о Бове). Еще ближе Григорьев к раннему Белинскому, который в своей статье «Литературные мечтания» (1834) утверждал, что в русской литературе заметные писатели были «случайными явлениями» (Белинский. Т. 1. С. 124), поскольку не выражали позиции простого народа, отделенного от образованного «общества». Как и Григорьев, Белинский скептически относился именно к французской литературе, которая, с точки зрения критика, выражала только мнение образованного общества. Показательно, однако, что в списке подлинных писателей, приведенном в «Литературных мечтаниях», перечислены писатели-беллетристы, не претендующие на выражение общечеловеческих истин. Григорьев, напротив, в качестве народных называет только считавшихся гениальными писателей.

С. 476. ...от Нестора и «Слова о полку Игореве» до политических умозрений Посошкова... — Полулегендарный летописец Нестор мог быть известен Григорьеву по множеству источников, в числе которых «История государства Российского» Н. М. Карамзина. «Слово о полку Игореве» и сочинения Нестора, согласно периодизации Шевырева, относились к одному этапу развития русской литературы — «южному» (см.: Шевырев 1846. Т. 1. Ч. 1. С. 18–24).

С. 476. ...тех, которые преимущественно занимаются естественною историею народа и подмечанием чудного. — Вероятно, имеются в виду писавшие о «простом народе» авторы, наподобие Д. В. Григоровича (см. об отношении к нему Григорьева в наст. изд., с. 667).

С. 476. ...Гете ли или какую-нибудь поэму о Титуреле... — Вероятно, имеется в виду поэма А. фон Шарфенберга «Младший Титурель» (1260–1275), написанная на средневерхненемецком языке и содержащая пространные фрагменты из не сохранившегося романа В. фон Эшенбаха.

С. 476. «А что с к а з ы в а ш ь ~ у кого есь займовал». — Цитируется договорная грамота великого князя Василия Васильевича и князя Юрия Дмитриевича (1433), неоднократно печатавшаяся, в том числе в примеч. к т. 5 «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. У Григорьева текст цитируется с незначительными изменениями по: Древняя российская вивлиофика. Изд. 2. М., 1788. С. 180. Ч. 1.

С. 476. ...догадку о великорусском начале во всей древности и на юге Руси... — Видимо, имеется в виду теория С. П. Шевырева, в работе которого «История русской словесности, преимущественно древней» (Т. 1. 1846) «южный» этап характеризовался как один из периодов становления русской национальной словесности.

С. 476–477. В лето 6619. ~ от Бога посланы помогать крестьяном... — Цитата из Ипатьевской летописи за 1111 г., к моменту создания статьи Григорьева полностью опубликованной (см.: Полное собрание русских летописей. СПб., 1843. Т. 2. С. 1–2). Возможно, Григорьев обратил внимание на этот фрагмент, поскольку именно он открывал указанное издание. В указанном издании число 27 записано цифрами, а не буквами КЗ, передающими числовые соответствия. По всей видимости, такое написание числительного — результат редакторского вмешательства М. П. Погодина, который, в силу своего профессионального интереса к русской истории, был знаком с рукописью.

С. 477. Припомним письмо экзарха Грузии и рассказы турецких пленнх. — Экзархом Грузии в 1855 г. был епископ (позже митрополит) Исидор (Иаков Сергеевич Никольский, 1799–1892). О каком «письме» идет речь, установить не удалось. По всей видимости, речь в нем, а также в рассказах пленнх, шла о чудесных знамениях, свидетельствующих о Божественном покровительстве, оказанном русским войскам. Подобные убеждения были очень широко распространены во время Крымской войны, особенно распространившись после малоэффективной бомбардировки английскими кораблями Соловецкого монастыря 6–7 июля 1854 г. Погодин прямо утверждал, что монахи не пострадали из-за вмешательства высшей силы (см.: Барсуков. Кн. XIII. С. 63–66).

С. 477. ...здесь русский дух, здесь Русью пахнет! — Цитата из вступления (опубл. 1828) к поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила».

С. 477–478. *И великое Российское царство ~ и бысть гром по всему граду всемертвенный...* — Первый отрывок — контаминация нескольких фрагментов из «Грамоты о избрании государя царя Михаила Федоровича на Всероссийский престол» (1613; см.: Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. М., 1788. Ч. 7. С. 140, 171). Второй отрывок — цитата из той же грамоты (см.: Там же. С. 152–154).

С. 478. ...разве только в последних томах карамзинской «Истории» или пушкинского «Бориса». — Русская критика середины XIX в. признавала зависимость трактовки исторических событий в «Борисе Годунове» от «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. (см., например, о мнении Н. А. Полевого выше, с. 793). Этой зависимости Григорьев не отрицает, однако объясняет ее близостью обоих авторов к народному духу (ср. преамбулу, с. 790).

С. 478. ...проповедь Кирилла Туровского ~ проповеди Феофана Прокоповича... — Речь идет об известном писателе и проповеднике св. Кирилле Туровском (1130–ок. 1182) и первом вице-президенте Святейшего Синода, крупном церковном деятеле петровского времени Феофане Прокоповиче (1681–1736). Григорьев, вероятно, отрицательно относился к Феофану Прокоповичу, поскольку негативно оценивал петровские реформы в области устройства церкви. Схожее отношение к деятельности Феофана Прокоповича выражал известный славянофил Ю. Ф. Самарин (см. его магистерское сочинение: Стефан Яворский и Феофан Прокопович как проповедники. М., 1844).

С. 478. ...безыскусственные замечания о странах чужеземных ~ современных туристов... — Имеется в виду Иван Иванович Чемоданов, русский посол в Венеции при Алексее Михайловиче. Документы посольства Чемоданова опубликованы: Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. М., 1788. Ч. 4. Многочисленные травелоги, составленные «современными туристами», постоянно печатались на страницах русских журналов времен Григорьева. Свое путешествие по Италии, в том числе в Венецию, совершенное в 1847 г., описывал Владимир Дмитриевич Яковлев (1817–1884), который здесь, вероятно, и имеется в виду. Сочинения Яковлева печатались в «Библиотеке для чтения» в 1849–1850 гг.; очерк о Венеции см.: БдЧ. 1849. № 4. Особенное внимание обращал на «Письма из Италии» Яковлева А. В. Дружинин, считавший их едва ли не наиболее интересной частью современной русской литературы и предпочитавший их другим произведениям Яковлева: «Иметь в голове “Письма из Италии” — и заниматься сочинением повестей, помнить очень хорошо о Неаполе, Венеции и Салерно и описывать нравы обитателей Галерной гавани!» (Дружинин. Т. 6. С. 267; впервые: С. 1850. № 2).

С. 478. ...только в произведениях двух современных витий найдутся образцы, равные ей, этой проповеди XII столетия... — По всей видимости, имеются в виду наиболее авторитетные деятели православной церкви и проповедники времен Григорьева: Филарет (Дроздов, 1782/1783–1867) и Игнатий (Брянчанинов, 1807–1867). Григорьев высказывал схожие соображения о народном характере языка Игнатия Брянчанинова в рецензии на его книгу «Слова в воспоминание Воскресения, кончины и скончавшихся в вере...» (СПб., 1845): «Мы вовсе не разделяем мнения покойного Шишкова, будто русская речь должна быть испещрена церковно-славянскими словами и оборотами; но убеждены, что духовные писатели наши — лучший источник, из которого мы можем почерпать знание своего языка, наравне с народною речью, которою мы столько же пренебрегаем» (Финский вестник. 1846. № 4. Отд. V. С. 30).

С. 478. ...укорить нас в том, в чем Курбский укоряет Ивана IV в начале одного своего послания... — Возможно, имеется в виду второе послание Курбского к Ивану Грозному, автор которого упрекает своего адресата в том, что тот пишет «зело паче меры преизлишно и звягливо, целыми книгами, и паремьями целыми, и посланьями! Тут же о постелях, о телогреях, и иныя безчисленные, воистинну, якобы неистовых баб басни...» (Устрялов Н. Сказания князя Курбского. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1842. С. 220).

С. 478. А «Домострой» и Посошков?... — «Домострой» был впервые опубликован незадолго до появления «молодой редакции» (Домострой благовещенского попа Сильвестра / Сообщ. Д. П. Голохвастовым. М., 1849). О Посошкове см. преамбулу к коммент., с. 790.

С. 478–479. ...литературная деятельность Полевого и Кукольника ~ критических статей наших журналов. — Н. А. Полевой и Н. В. Кукольник (см. о них наст. изд., с. 773) часто упоминаются в статьях Григорьева как типичные представители романтизма 1830-х гг. (см., например, статью «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина», 1859 — Григорьев. С. 216–218). Противопоставленные им Карамзин и Константин Николаевич Батюшков (1787–1855), видимо, связаны в сознании критика с именем Пушкина, высоко оценивавшего Карамзина в своих заметках (см. наст. изд., с. 790). Поскольку для Григорьева наиболее значимым сочинением Карамзина была «История государства Российского», он действительно оказывался литературным современником Батюшкова, создавшего свои основные сочинения в 1810–1820-е гг. «Нравственно-сатирический роман» Фаддея Венедиктовича Булгарина

(1789–1859) «Иван Иванович Выжигин» (1829) и его продолжение, «нравоописательно-исторический роман» «Петр Иванович Выжигин» (1831), как и сочинения Полевого и Кукольника, пользовались огромным читательским успехом в свое время. Здесь он противопоставлен сатирическому журналу Николая Ивановича Новикова (1744–1818) «Живописец» (1772). Ко временам Григорьева этот журнал был почти забыт. Впрочем, очень скоро сатирические журналы екатерининской эпохи вновь окажутся актуальны в силу возросшего во второй половине 1850-х гг. интереса к общественной роли литературы: уже в № 3 «Отечественных записок» за 1855 г. появится первая статья А. Н. Афанасьева о сатирической журналистике XVIII в. Так же низко оценивался и Александр Петрович Сумароков (1717–1777), произведения которого уже ко временам Белинского казались подавляющему большинству критиков слабыми и не поэтичными. Очевидно, сопоставление с Сумароковым и Новиковым — знак крайней неясности «критических статей наших журналов» (особенно петербургской критики), которые написаны языком, далеким от общепонятного.

С. 479. *Образ мыслей и чувствований Пушкина ~ об этом свидетельствует.* — Григорьев, судя по всему, опирается на периодизацию творчества Пушкина, введенную в статье И. В. Киреевского «Нечто о характере поэзии Пушкина» (1828). Именно в ней «Борис Годунов» был назван началом периода «поэзии русско-пушкинской» в творчестве поэта (Пушкин в прижизненной критике. Т. 2. С. 81). «Капитанскую дочку» к этому «русскому» периоду творчества Пушкина Григорьев относит под влиянием статьи Гоголя «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность», вошедшей в книгу «Выбранные места из переписки с друзьями» (1846): «Сравнительно с “Капитанской дочкой” все наши романы и повести кажутся приторной размазней. <...> В первый раз выступили истинно русские характеры: простой комендант крепости, капитанша, поручик; сама крепость с единственной пушкой, бестолковщина времени и простое величие простых людей, все — не только самая правда, но еще как бы лучше ее» (Гоголь. Т. 8. С. 384). Ориентация на эти два источника привела Григорьева к существенному искажению: разделенные более чем десятью годами «Борис Годунов» (1825) и «Капитанская дочка» (1836) в его изложении предстают произведениями одного и того же периода.

С. 479. *...в молодые годы свои советовал нашим журналистам учиться языку у московских просвирен...* — Пушкин писал: «Не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирам: они говорят удивительно чистым и правильным языком», то есть обращался не к журналистам, а к русским литераторам, в число которых, очевидно, включал и себя. Неточность Григорьева может быть вызвана как стремлением намекнуть на недостатки журналистов своего времени, так и контаминацией разных заметок Пушкина: в издании, которым критик, вероятно, пользовался, цитированные слова следуют вскоре после заметок, направленных против литературной критики пушкинской поры (Пушкин А. С. Соч. СПб., 1841. Т. 11. С. 215; ср.: Там же. С. 204–211).

С. 479. *Последние произведения ~ из-под влияния малороссийской местности.* — Трактовка позднего творчества Жуковского, вероятно, восходит к статье Гоголя «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность»: «В последнее время в Жуковском стал замечаться перелом поэтического направления. По мере того, как стала перед ним проявляться чаще та незримо-светлая даль, которую он видел дотоле в неясно-поэтическом отдалении, пропадали страсть и вкус к призракам и привиденьям немецких баллад. Самая задумчивость уступила место светлости душевной. <...> Появление такого поэта могло произойти только среди русского народа, в котором так силен гений восприимчивости, данный ему, может быть, на то, чтобы оправить в лучшую оправу все, что не оценено, не возделано и пренебрежено другими народами» (Гоголь. Т. 8. С. 378–379). Как и Гоголь, Григорьев, вероятно, считал центральным произведением позднего творчества Жуковского перевод «Одиссеи» Гомера. Подход Григорьева к Гоголю существенно меняется по сравнению с его же статьями 1854 г.: если в них «малороссийское» содержание творчества Гоголя трактовалось как однозначный недостаток, то здесь предстает препятствием, которое Гоголь преодолевал.

С. 479. *...нал последнюю жертвою ~ над русскими поэтами.* — Выражение «трагическая мойра» у Гоголя не встречается. Вероятно, имеется в виду описание судьбы русских поэтов в статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность»: «Слышно страшное в судьбе наших поэтов: как только кто-нибудь из них, упустив из виду свое главное поприще и назначение, бросался на другое или же опускаясь в тот омут светских отношений, где не следует ему быть и где нет места для поэта, внезапная, насильственная смерть вырывала его вдруг из нашей среды. Три первостепенных поэта: Пушкин, Грибоедов, Лермонтов, один за другим, в виду всех, были похищены насильственной смертью, в течение одного десятилетия, в пору самого цветущего мужества, в полном развитии сил своих — и никого это не поразило. Даже не содрогнулось ветреное племя» (Гоголь. Т. 8. С. 402–403).

С. 480. *При Петре I ~ из одного и того же источника.* — Цитата из предисловия М. П. Погодина к сочинениям Посошкова, где опровергается мнение, что «Книга о скудости и богатстве» не может принадлежать перу простолудина, поскольку слишком сложна (см.: Посошков. С. XXIII).

С. 480. ...чужеземные слова, совсем западные (мизирный и т. д.) или польские (пильно). — Указанные Григорьевым слова действительно употребляются Посошковым на первых же страницах его книги (см.: Посошков. С. 1, 5).

С. 480. *И в художественных мастерствах ~ да и мастерство все погуби...* — Цитата из вступления к «Книге о скудости и богатстве».

С. 480. «...и пошел ты валяться по улицам, да приговаривать: нет житья русскому человеку!» — Цитата из 1-го тома поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» (1842; гл. 7).

С. 480. ...которого существование так не понравилось многим в лице Русакова. — Речь идет о герое комедии Островского «Не в свои сани не садись». Образ Русакова, героя этой пьесы, осуждался, например, в рецензии Н. Г. Чернышевского на комедию «Бедность не порок» (см. наст. изд., с. 429).

С. 480. ...авторитет беглого дьяка Котошихина ~ варварства и невежества его эпохи... — Речь идет о сочинении Григория Карповича Кошихина (вариант фамилии — Котошихин, ум. 1667), текст которого был разыскан С. М. Соловьевым и опубликован Я. И. Березниковым: О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григорья Кошихина. СПб., 1840. Некоторые резкие оценки русских нравов, содержащиеся в сочинении Кошихина, опровергались уже в предисловии к указанному изданию (см. с. X–XI). Это сочинение использовано в цикле статей Белинского «Россия до Петра Первого» (1841) как источник материалов о печальном положении России до реформ Петра. Вероятно, описание Белинского и имеет в виду Григорьев.

С. 480. ...вот бы пища твоему сатирическому уму! — Цитата из 1-го тома поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» (1842; гл. 10).

С. 480. *Я не знаю ~ до судьи и дойти не могу.* — Цитата из «Книги о скудости и богатстве» (гл. 3).

С. 480. ...и татарке, против ее задания, ответу здравого дать не умел. — Цитата из «Книги о скудости и богатстве» (гл. 1).